

АЛЕКСАНДРА ЗАСКАЛЕТО

Солнечные зайчики

УВЕРЕН ЛИ ТЫ,
ЧТО ТВОЙ СОСЕД
НЕ УБИЙЦА?

Паутина. Триллеры известных российских блогеров

Александра Заскалето

Солнечные зайчики

«ЭКСМО»

2021

Заскалето А.

Солнечные зайчики / А. Заскалето — «Эксмо»,
2021 — (Паутина. Триллеры известных российских блогеров)

ISBN 978-5-04-160939-9

История, в которой каждый оказывается потерпевшим. Даже убийца... В элитном многоэтажном доме течет мирная жизнь. Но мирная она только с виду. Кто-то подбрасывает трупы жильцам, словно проверяя на прочность их психику и обнажая самые темные стороны их души. Впрочем, не каждый готов вызвать полицию, ведь среди жильцов есть те, кто от нее скрывается... Ситуацию усугубляет еще и то, что установить личности погибших невозможно, поскольку они похожи друг на друга, как две капли воды. А все попытки найти убийцу приводят к единственному выводу: у жильцов дома гораздо больше общего, чем только адрес проживания... «Сюжет интриговал, манил и не отпускал. Было интересно узнать развязку. Я вообще не догадалась, чем все закончится. Я не могла оторваться от прекрасного слога автора и интриги. Эта история превзошла все мои ожидания». — Полина (@polly.reads)

ISBN 978-5-04-160939-9

© Заскалето А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава XII. Валера	6
Глава XI. Ляля	21
Глава X. Виктор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александра Заскалето

Солнечные зайчики

Когда действительность страшнее любого вымысла

© Редакция Eksmo Digital (RED)

Глава XII. Валера

– Твою мать!

– Не ори ты, – раздалось в ответ.

– Да твою же мать! – не унималась девушка. На лице блондинки смешались удивление, смятение и негодование. – Я это разгребать не буду, не буду, не буду!

– Куда ты денешься? – спокойно произнес мужчина в спортивном костюме. Он был на голову ниже своей спутницы, но тем не менее держался так, словно был выше и сильнее всех, кто находился в этой комнате. Правда, в комнате их было всего двое, ну если не считать тела.

– Трупак. Твою ж мать, – выдохнула в очередной раз блондинка. – Мертвецкий трупак. Ну как так-то?!

– Валера, вот ты вроде филолог, а выражения у тебя сплошь избыточные. Одни плеоназмы. Надоело уже. Мертвецкий труп? Кошмар просто, – искренне возмущался мужчина, расставляя на полу пакеты, которые держал до этого в руках.

Когда он обращался к Лере как к «филологу», всегда ожидал получить в ответ бурю негатива. На этот раз девушка с головой ушла в проблему и колкость не заметила. Поэтому мужчина просто сел на табурет в углу комнаты и стал смотреть на подругу так, будто своими плеоназмами она оскорбила его до глубины души.

– Чего?! То есть тебя сейчас именно это беспокоит? То есть пока этот мужик сидит тут в луже кровищи посреди моей кухни, тебя заботит избыточность моих выражений?! Спортсмен, ты debil или прикидываешься?! – от напряжения блондинка покраснела. Ее красивое удивленное лицо стало похоже по цвету на лужицу крови рядом с трупом.

– Успокойся, Валера. Уже нельзя поразмышлять вслух? Тебя раньше такие вещи успокаивали... Ну чего ты? В первый раз, что ли, у тебя тело в квартире? Ну труп, ну мертвый... Тьфу, я уже как ты заговорил. В общем, справимся, не паникуй.

Лера не успокоилась, открыла окно и села на подоконник. Когда она прикуривала сигарету, руки ее дрожали, но лицо казалось спокойным. Хотя голос в очередной раз выдал все эмоции, которые она сейчас испытывала.

– Ну как же так? Как он тут оказался? Такого никак не могло быть, – почти плакала она. – Все же было хорошо, все так хорошо было. Этот труп вообще никуда не вписывается. Мама дорогая... Я не знаю, что делать. Я впервые не знаю, что делать со всем этим... Ай, падла! – она вскрикнула, когда сигарета обожгла ее пальцы, и выронила окурочек. Он полетел вниз с двенадцатого этажа элитной новостройки и упал прямо на клумбу. Лера проследила за ним взглядом и потом еще какое-то время смотрела на цветы, думая, что же делать с трупом в собственной квартире.

– Игнатьич, ты мне только одно объясни: даже если это один из наших трупов, какого хрена он делает в моей квартире в таком виде? – блондинка укоризненно смотрела на Спортсмена. – Ну, рассказывай! Ты-то должен знать. Он решил меня подставить? Захотел всех собак на меня повесить? Мол, если я эти трупаки последняя вижу, мне и отдуваться перед ментами?

– Успокойся, сказал же! – Семен начал нервничать, правда, не от повышенного тона блонди, а от того, что впервые видел, как она теряет самообладание. – Если бы он хотел от тебя избавиться, поверь мне, сделал это не таким способом.

– Позвони ему, спроси... Узнай же уже что-нибудь наконец!

– Да не ори ты! Он же сам всегда звонит, а секретарь на него сегодня не переключит. Вместо того, чтобы паниковать, принялась бы лучше за дело. Или ты надеешься, что он оживет и сам тут все приберет? – попытался пошутить Спортсмен.

– Ни хрена, блин, не смешно, ну ни капельки, – отчеканила Лера.

– Да ладно тебе. Из-за чего столько шума-то, я никак не пойму? – Семен Игнатьевич на самом деле был удивлен, не труп, нет, а тому, как Лера реагировала на стандартную в их деле ситуацию.

– Ты забыл, какой сегодня день?

– Валера, я тебе не муж, чтобы знать, когда у тебя ПМС или помнить про твой день рождения. Так что вопрос явно не по адресу.

– Семен Игнатьич, я тебе об этом дне говорила и напоминала не одну неделю. Потому что, твою мать, и мать твоего босса, и ее мать, у меня сегодня должен был быть выходной, единственный за несколько месяцев выходной! Я не должна сегодня работать, не должна! – Лера переместилась с подоконника в кресло, стоящее рядом с окном, откинулась на спинку и закрыла глаза. Губы она сжала так сильно, как будто ей было больно. Так она просидела несколько минут.

Семен Игнатьевич не мешал ей «плакать», так она это называла. Поскольку Валера в жизни не плакала, по крайней мере, он этого не видел, она сказала, что таким способом выражает сожаление, отчаяние и то состояние, когда до слез было совсем чуть-чуть. Спортсмену оставалось только ждать, когда блондинка придет в себя и начнет действовать. В конце концов, все всегда зависело от нее: она лучше всех придумывала, как избавляться от трупов. За три года, что она работала в его команде, Игнатьич понял, что Валера не умеет ошибаться. Полиция ни разу не побеспокоила их на предмет причастности к каким-либо убийствам, совершенным в городе. Не сказать, чтобы этих убийств было много... хотя, конечно, их было много, раз Валера работала не покладая рук. Но это не значит, что каждый день они кого-то убивали. Нет, конечно. Всего три-четыре, ну, может, восемь трупов в месяц. Хотя такое было всего однажды за всю их карьеру. Просто некоторые из придумок блонди требовали больше времени на воплощение. Размышляя о том, какой же все-таки бесценный работник эта Валера, Семен Игнатьевич не заметил, как она встала с кресла и уже начала шарить по карманам жмура. Справедливости ради надо сказать, что этот мертвый мужик действительно был не на его совести и не на совести его ребят. Тем интереснее узнать, кто он такой и откуда взялся.

– Ну что там? – поинтересовался Спортсмен. – Права, паспорт, бумажник – есть что-нибудь?

– Во-первых, как ты, наверное, заметил, на нем кроме штанов ничего нет, так что и карманов немного, – говорила Лера, пока ее руки в латексных перчатках обследовали джинсы. – Тут ничего... слева тоже ничего, сзади... Подожди, что-то есть.

Лера вытащила из заднего кармана сложенный вчетверо листок бумаги, развернула и прочитала вслух:

«Улица Некрасовская, дом 8, квартира 47, Валерия Самсонова, 8-9XX-XXX-XX-X4».

– Это твой хахаль, что ли? – после минутного молчания спросил Семен Игнатьевич. Ему надо было что-то сказать, потому что у Леры было такое лицо, будто она только что вылупилась из яйца и совсем ничегошеньки не понимала.

– А?

– Хахаль, говорю, твой?

– Ты дурак? – начала приходить в себя Лера. – Думаешь, я не запоминаю, с кем сплю? Я еще не настолько двинутая.

– А откуда у него твой адрес и телефон?

– Вот в этом то и проблема, – медленно произнесла Лера.

Она подумала несколько секунд, затем подошла к окну, взяла зажигалку, подожгла листок и положила его догорать в пепельницу. Когда с этим было покончено, Лера вернулась к трупу. Она ощупала второй задний карман, но, не найдя там ничего, принялась осматривать его голову. Казалось, она окончательно пришла в себя и теперь, наконец, думала только о деле.

– Сейчас я его осмотрю, постараюсь понять, от чего он умер, потом мы завернем его в один из наших ковров и положим в твою машину.

– Чего?! Что?! Ты стукнулась? – Спортсмен вскочил со стула, на котором до этого мирно сидел, и подлетел к Лере. – Какого хрена ему делать в моей машине? Я там покойников не вожу. Забыла, у нас для этого есть рабочий транспорт?

– Семен Игнатьич, этот мужик не наш, он внеплановый, я не могу с ходу придумать, куда его деть.

– Ну, пусть у тебя переночует, не первый же раз. Отнесем его в твою «кладовую» и пусть себе лежит, а завтра ребята тебе помогут перевезти его на работу.

– Нет, – отрезала Лера. Она уже опустила на колени и осматривала лодыжки мертвого мужика. Засучив правую штанину джинсов, она ощупала голень, затем осмотрела стопу. Потом все то же самое только с другой ногой.

– Что значит «нет»? Не глупи, – пытался вразумить Леру коллега. – Я тебя сегодня совсем не узнаю: так ведешь себя, как будто все это в первый раз. Как будто ты ни разу не оставляла и не крошила трупы в своей квартире. Валера, что за фигня? Зачем нам этот геморрой – с ковром, моей машиной и твоей срочностью? В чем дело-то? Да, я уже понял, что у тебя должен быть выходной, никаких трупов и бла-бла-бла. Но, раз такая ситуация, нельзя, что ли, сделать как всегда: видим труп, несем его в кладовую, дальше ты химичишь, как твоей душе угодно, а мы берем рабочую машинку и везем тело или то, что от него останется, туда, куда ты скажешь? Все просто, как дважды восемь.

– Сегодня никаких трупов и их следов в этой квартире быть не должно. Это окончательно и бесповоротно. Точка.

– Чего так? Я ведь просто прошу объяснить.

– У меня сегодня свидание, здесь, в этой квартире, – сказала Лера, не глядя на Спортсмена.

Она уже была полностью увлечена любимым делом и первые секунд тридцать даже не замечала, как ржет Семен Игнатьевич. Потом до нее дошло, что смеется он над ее последними словами. Она поднялась и сурово посмотрела на собеседника:

– Че ты ржешь?

– Ты... ха-ха... ну ты... ха-ха-ха, – Игнатьич все никак не мог остановиться, смех уже согнул его пополам, но он ничего не мог с собой поделать. – Ну ты даешь – свидание! Вот выдумала, – продолжал смеяться Семен. – Ладно, в то, что ты потрахиваешься изредка, я еще могу поверить, но СВИ-ДА-НИЕ! Хорошая шутка.

– Семен Игнатьич, это не шутка. Я серьезно: ко мне вечером придет мужчина, важный, нужный мужчина, понимаешь? Вот этого, – она показала рукой на труп, – он точно не должен видеть.

Лера говорила самым суровым тоном, на какой только была способна. Она знала, что уговорить Игнатьича засунуть этот чертов труп в его личную машину практически невозможно, но попытаться стоило.

– Лера, нет. К себе в машину я его не положу.

Спортсмен вмиг стал серьезен. Он говорил спокойно и очень тихо. И по тому, что он назвал ее Лерой, блондинка поняла – все уговоры бесполезны. Она подумала было, может, попробовать умолять, но уже знала: это не поможет.

Машину Игнатьича в их команде называли НЗ, и для своего хозяина она действительно была неприкосновенным запасом. Даже в 90-е, когда Семен Игнатьевич Х., будучи уже авторитетным бизнесменом, то есть довольно известным преступником, в один не прекрасный момент лишился всего, машину он не продал. Он отвез свою «Импалу» 67 года выпуска в какую-то глухую деревню и оставил там до лучших времен. Машина за несколько лет ожидания «лучших времен», конечно, утратила быллой лоск, но когда Игнатьич приехал и отогнал ее

в город, то уже смог себе позволить обновить и улучшить свой драгоценный раритет. Кстати, откуда у простого советского учителя русского языка появилась такая машина, никто не знал. Но факт остается фактом: даже сейчас Спортсмен на «Импале» из всей команды возил только Леру и только по крайней необходимости, ну или если ей было «очень-очень надо, ну пожалуйста». Вот и сегодня утром Валера, у которой не было прав, попросила Семена Игнатьевича свозить ее в супермаркет и обратно. А когда он помог занести в квартиру все ее пакеты, тут их уже ожидал труп.

Прокручивая в голове события сегодняшнего утра, Спортсмен вдруг понял, что Леры не было дома всего два часа. Как за это время на ее кухне материализовался мертвый мужчина – еще одна загадка этого дня. Первой была – какое, на хер, свидание может быть у Валеры? Но эту тайну лучше не раскрывать, чувствовал Семен Игнатьевич.

– Слушай, я тебе никак не могу помочь увезти этот труп, сама понимаешь, как минимум из-за того, что день на дворе. Но разобраться хочется. В общем, кто бы его ни убил, он сделал все быстро – тебя же не было всего пару часов.

– Я об этом уже подумала, но сейчас мне главное понять, куда его спрятать и побыстрее. Игорь придет уже скоро, а мне еще все подчистить надо.

– Игорь... Ну-ну. Я так понимаю, он не в курсе, кем и где ты работаешь, – констатировал им обоим известный факт Семен Игнатьевич.

– Нет, блин, я ему на первом же свидании рассказала, что работаю внештатным патологоанатомом, тире потрошителем у местного бизнесмена, тире неофициального хозяина города, тире серийного убийцы.

– Что-то много тире. Чего ж ты тогда работаешь у него, раз он такой? Ах, да! Маньячек-то не везде принимают. Высшее образование, санитарная книжка, знание языков, в общем, кучу требований нынче предъявляют к специалистам этого профиля, – снова пошутил Спортсмен. – Хотя крошишь ты людей идеально, чего им еще надо?

– Очень смешно. Ха-ха-ха, – состроила недовольную гримасу Лера.

Она взяла из рабочей сумки пробирку и собрала в нее немного крови из лужи на столе.

– Сам-то не в восторге от такого начальника: вечно жалуешься на переработки, ночные вылазки... да и вообще на все. Что ж не уходишь?

Блондинка укоризненно посмотрела на Семена Игнатьевича. Он опустил глаза. Лера знала, что задела его за живое, да и себя тоже.

Они то и дело задавали себе исключительно риторический вопрос: когда все это кончится? И оба знали ответ: никогда. Их начальник – единственный человек в этом городе, который мог удовлетворить странные потребности этих двоих: ему постоянно нужно было избивать кого-то, а ей бесконечно хотелось копаться в мертвых телах. Он мучил людей до смерти, а она – после. Они оба были хладнокровными извергами, кончеными психами, и хоть последнее определение не признавали – но и опасными маньяками тоже. Поэтому и не уходили от своего шефа, – еще больше двинутого на убийствах самодура. Последнего забавлял только процесс запугивания и морального изматывания жертвы, а с его деньгами он мог позволить себе делать это так часто, как только хотел. Так что да – работы у этой парочки было много. Но самое главное – они практически никогда не задумывались над тем, что за люди их «клиенты». Хорошими они были или плохими? Остались ли у них семьи? Был ли с ними знаком их начальник, или это случайно выбранные жертвы? Практически никогда... Но все же были редкие моменты, когда они просто люто ненавидели своего босса. Своего босса, но не себя. В этом и была вся их маньячная суть.

Сейчас настал как раз один из таких моментов. Лера отложила пробирку с образцом крови покойника, сняла перчатки и пошла к окну.

– Давай покурим, – предложила она Игнатьичу.

Он тоже подошел к окну и оперся на подоконник. Закурив, оба как будто почувствовали себя лучше, но и он, и она по-прежнему думали об одном – когда все это кончится и хотят ли они, чтобы это заканчивалось. Спортсмен прекрасно знал, как разрядить эту гнетущую задумчивую тишину.

– Ну что, как, по-твоему, он умер? – вернул он коллегу в реальный мир.

– Слушай, это очень прикольно, – вмиг повеселела та. – У него из внешних повреждений только ссадины на кулаках, значит, он пытался отбиваться, но недолго. Хотя вроде эти ссадины не настолько свежие, не сегодняшние точно. Я думаю, он на днях подрался. Положу его на стол, поищу гематомы – внешние и внутренние – узнаю наверняка, – размышляла вслух блондинка.

– Так, а умер он от чего?

– Это самое интересное. Смерть наступила после удара чем-то острым и тонким. Били в затылок, и с огромной силой. Видишь отверстие во лбу? – Лера уже докурила и подошла к столу, за которым полусидел, полулежал жмурик.

Семен кивнул в ответ, и Лера продолжила осматривать дырку в труп.

– Оно выходное, очень маленькое. Я пока даже не пойму, что это было за орудие убийства. Один точный быстрый удар – и привет. Но крови немного. В общем, вскрытие покажет и расскажет, – улыбнулась Лера.

– То есть ты уже не хочешь по-быстрому от него избавиться? – Семен Игнатьевич знал, что Лера этот неизвестный труп теперь из рук не выпустит, пока во всем не разберется, ну и не покрошит его основательно.

– Ай, сам знаешь, что нет. Помоги мне отнести его в кладовую и езжай уже. Подожди только, я подготовлю все, – сказала Лера и вышла из комнаты.

Семен Игнатьевич при всех своих садистских наклонностях не любил заходить в Валерин рабочий кабинет, или, как она его называла, – «кладовую». Ему было странно видеть человеческое тело в разобранном состоянии, а там этого добра навалом. Валера, как он ласково называл свою коллегу, любила оставлять себе неостребованные части трупов. Придумывая заново, как они умирали, она часто увечила их, оставляла то без руки, то без ноги, то без глаза, то без языка и так далее. Весь этот неликвид девушка бережно хранила у себя в квартире. Когда Семен Игнатьевич впервые увидел, как эта хрупкая красивая блондинка с невозмутимым видом вскрыла черепную коробку, достала мозги, понюхала их, что-то записала и убрала в холодильник, он решил, что никакая она не Валерия, а самая настоящая Валера – баба со стальными яйцами. И потом она, кстати, не раз это доказывала.

Подробности о юности и студенческих годах этой любительницы мертвечины на момент знакомства Семену Игнатьевичу были неизвестны. Но за годы, проведенные вместе, он выяснил, что она филолог по образованию, так же, как и он. Только и дураку было понятно, что по профессии она не проработала ни дня: ну не бывает таких учителей, преподавателей, редакторов или репетиторов по русскому языку, просто не бывает. А когда она в первые же дни их совместной работы допустила в разговоре несколько безумно смешных ошибок в ударении, он понял, что настоящей учебой на филологическом здесь и не пахнет. Тогда он стал доставать «образованную» блондинку на предмет того, чем же она на самом деле занималась во время учебы.

Валера вкратце рассказала, что с детства увлекалась анатомией, а особенно любила изучать трупы животных. Само собой, родители такого безумия не одобряли. А Лера уже тогда поняла, что хочет учиться только в медицинском вузе. Когда злобные предки засунули ее после школы на филфак, она якобы отлично отучилась там все пять лет. На самом же деле в год окончания школы девушка поступила в мед и на занятия ходила только туда. Родителей она успешно обманывала, благо они не часто хотели встречаться со своей замкнутой и помешанной на разговорах об анатомии и причинах смерти дочерью. Через пять лет «обучения» на филфаке Лера даже купила диплом, где говорилось что-то вроде того, что она квалифициро-

ванный филолог. Сама же она к тому моменту была в числе лучших студентов одного из медицинских университетов Москвы, которой оставался год до «госов» и диплома, а после планировала пройти интернатуру и стать первоклассным судмедэкспертом. Но однажды ее поймали вывозящей труп из учебного морга. Она, естественно, не объяснила, зачем это сделала. Как водится, скандал и отчисление. Но для Семена ее диплом был неважен. Достаточно того, что в нужный момент Лера оказалась тем самым «профессионалом своего дела, готовым судмедэкспертом, хоть и без “корочек”, и с подходящими для его босса наклонностями, которого тот искал». Ко всему прочему, Лера была без лишних запросов и согласилась переехать в их город.

Пока он сидел, курил и вспоминал все это, Валера вернулась на кухню с огромным куском полиэтилена. Семен Игнатьевич потушил окурочок, слез с подоконника и подошел к столу с мертвым мужиком. Она протянула ему перчатки, бахилы и полиэтиленовый фартук. Сама хозяйка кладовой уже была готова и напоминала врача в операционной – шапочка, халат, точно такой же фартук, перчатки, бахилы. Лера взяла покойника за голову, медленно подняла верхнюю часть туловища и облокотила на стул.

– Давай, помоги, – скомандовала она Спортсмену.

Семен Игнатьевич понял, что надо делать: взял труп под мышки и поднял его, Лера в этот момент отодвинула стул и расстелила полиэтилен. Схватив тело за ноги, она с трудом, но все же приподняла его. Дальше они как можно аккуратнее, чтобы не капать кровью, уложили тело на подстилку. Таким образом было очень удобно транспортировать его до комнаты в дальнем конце квартиры. Донеся труп до кладовой, коллеги остановились передохнуть.

– Дальше сама? – с надеждой спросил Спортсмен.

– Игнатьич, как я его на стол-то подниму? Хватит уже бояться – это всего лишь части тела: они тебя не укусят... ну разве что этот мужик, – пошутила Лера.

– Ладно, пошли, только быстрее, – с тревогой в голосе сказал Семен Игнатьевич.

Он снова схватил свою часть импровизированных носилок, Лера взяла полиэтилен с другой стороны. Приподняв немного тело, они внесли его в комнату, очень похожую на прозекторскую обычной больницы: разделочный, как его называл Семен Игнатьевич, стол посередине и множество полок, шкафов и холодильников вдоль стен. Комната была просторная и прохладная. Дойдя до стола, они с усилием водрузили на него труп.

– Ну, ладно, я поехал. Пожалуйста за все, провожать не надо, – выпалил Семен Игнатьевич и быстро пошел прочь из кладовой.

– Обмундированиеними, – только и успела крикнуть ему вслед Лера. А когда из коридора донеслось сердитое: «Черт!», она засмеялась. Уже через минуту хлопнула входная дверь, и она поняла, что Игнатьич ушел.

Лера оценила, ровно ли лежит тело и, убедившись, что труп не свалится, снова пошла на кухню, прихватив по дороге ведро для уборки, которое всегда было наготове на случай, если ей приходилось брать работу на дом. Чаще всего она занималась этим в специальном кабинете в специально отведенном здании, понятное дело, в специально выбранной глуши, куда приехать сможет только тот, кто знает. Но случалось, что Игнатьич и его парни привозили трупы к ней домой. Виртуозы маскировки, кровавые фокусники или беспечные кровожады... как ни назови, но работнички шефа были все как на подбор отъявленными негодьями, способными на тихие, скрытные, незаметные для посторонних глаз безумства. Вроде доставки тел среди бела дня на 12-й этаж новостройки.

А здесь, в модной просторной квартире с потайной комнатой случалось всякое: то одно отвалится, то другое. Оттирать кровь и прочий человеческий материал от паркета, обоев и мебели – задача не из простых, но у Леры в плане уборки рука была набита. Первое время работа на дому жутко напрягала как раз тем, что сбоку и снизу находились соседи, которых она пусть не знала, но их наличие ее нервировало. Однако снимать стресс помогала как раз любимая, обожаемая работа. Так что со временем даже самые неожиданные визиты Игнатьича и его

команды раздражать перестали, тем более что и случаи все были интересными: обязательно приходилось что-нибудь отрезать, кромсать да ломать.

Вернувшись на кухню, Лера принялась стирать кровь со стола и напольной плитки. Это растянулось на полчаса, так что у блондинки было время подумать над тем, откуда в ее квартире взялся этот бездыханный гость. Еще когда они с Игнатъичем вернулись из магазина, она сразу осмотрела окна: ни единого намека на взлом. Дверь она открыла своим ключом и, войдя, по привычке проверила сигнализацию – в порядке. В квартире напрочь отсутствовали следы другого человека – того, кто принес сюда труп или убил неизвестного прямо здесь. Все это странно. И хотя Лера любила странности, но сейчас они ей нафиг были не нужны: первое за многие годы нормальное свидание могло сорваться.

Она совсем не хотела отменять его, потому что они с Игорем шли к этому дню очень долго. Размахивая окровавленной тряпкой, Лера с улыбкой вспоминала, как познакомилась с этим красивым полицейским. Вернее, как он с ней познакомился. По роду своей деятельности она избегала встреч с ментами. И этого она тоже поначалу опасалась: когда он задержал ее за нарушение ПДД (перешла дорогу на красный свет), она подумала, что тот прикалывается. Когда же сержант Панов начал составлять протокол, она попробовала сунуть ему денег. Он же пригрозил статьей за дачу взятки должностному лицу. Затем внес данные нарушительницы, включая номер телефона, и пристально посмотрел на нее. Видя, что Лера чуть не плачет, сержант Панов снова принялся что-то писать, а через пару секунд протянул бумажку с цифрами и подписью – Игорь.

– Если согласитесь поужинать со мной, я принесу на свидание протокол и порву его при вас, – улыбнулся симпатичный полицейский.

Лера такого поворота не ожидала и даже не нашлась что ответить.

– Подумайте и позвоните мне, – подмигнул Игорь, а затем развернулся и ушел.

Лера так и осталась стоять на тротуаре возле светофора. Подумав несколько минут, она порвала записку с его номером телефона и пошла по своим делам: не хватало ей еще встреч с ментами.

Прошло примерно недели три, и у Леры стерлась из памяти эта встреча. Поэтому когда ей с незнакомого номера пришла СМС: «Привет. Как дела? Что делаешь?», она решила, что кто-то ошибся номером. Через пару минут «незнакомый номер» уже настойчиво названивал. Взяв трубку, она хотела объяснить: «Вы ошиблись, не звоните сюда больше», – как вдруг услышала:

– Привет, Валерия. Это Игорь. Вот не дождался от тебя звонка и решил сам позвонить.

– Какой Игорь?

– Ну, переход на красный свет, полицейский, протокол, поужинать. Помнишь? – донеслось из трубки.

– А-а, да, вспомнила. Вы серьезно, что ли, тогда говорили? – удивилась девушка.

– Конечно. Приглашение на ужин еще в силе. Кстати, ты не ответила как дела и что делаешь?

Лера прямо увидела, что ее собеседник улыбается. Она тоже улыбнулась, когда представила, как ответит этому дерзкому, упрямо «тыкающему» менту, что у нее все прекрасно и как раз сейчас она отрезает пальцы на правой руке одного из ее клиентов.

– Дела отлично, я сейчас на работе, поужинать сегодня с вами не смогу, – сухо ответила она.

– А завтра? – не унимался кавалер.

– И завтра тоже не получится... Возможно, никогда не получится, – отрезала Лера.

– Значит, сделаем так: я буду звонить каждый день, узнавать, как твои дела и сможешь ли ты завтра со мной поужинать. А когда ответишь, что готова, тогда и встретимся, – предложил собеседник.

«Ну давай-давай, не дождешься», – подумала Лера, а вслух на автомате сказала:

– Окей, – и положила трубку.

Она, конечно же, даже подумать не могла, что Игорь и в самом деле станет звонить ей каждый день и звать на свидание. Но он так и сделал. Их телефонный роман тянулся достаточно долго, прежде чем она, наконец, поняла, что ей, черт возьми, все это нравится: и такие ухаживания, и Игорь, и само ожидание встречи с ним. Решив, что с него уже достаточно, Лера, примерно через три месяца после первого звонка ответила «да» своему поклоннику на очередное приглашение на ужин.

Конечно, ей пришлось основательно попотеть и уладить все на работе: сделать так, чтобы не было срочных дел в тот самый вечер – вечер их первого свидания. К счастью, тогда им никто не помешал и ужин прошел отлично: Лера впервые за многие годы почувствовала себя женщиной. Игорь был внимателен, и галантен, и очень хорош собой. «Красивый мент. Ну как меня так угораздило», – грызла она себя тогда. И хотя девушка боялась продолжать эти отношения, все же не отказалась от второго свидания. Правда, все снова пошло не так. Только через месяц после первого ужина, Лера, наконец, смогла выкроить свободный вечер. Но когда они с Игорем доедали десерт, ее вызвонил Игнатъич. Пришлось ехать на работу, а она так надеялась на секс.

Что там мама говорила в юности: секс на десятом свидании? Маме хорошо, у нее был папа. А у Леры нормального секса не было лет семь, кажется. Хотя какое там: его – нормального секса – вообще у нее никогда не было. Она, конечно, ловила большой кайф от своей работы, чем от соития, но вот именно с Игорем близости очень хотелось. Секса, секса, секса... Последние пару месяцев Лера только об этом и могла думать – о сексе с Игорем. Она не раз намекала на это своему бойфренду, напрашивалась даже к нему домой, но он говорил, что стесняется своей квартиры бедного полицейского, а она «девушка красивая и статная, ей нужен комфорт и красота». Тогда она закинула удочку насчет гостиницы, на что Игорь ответил, что не зарабатывает столько, чтобы позволить номер в отеле хотя бы на ночь. Она уже начала думать, что он, наверное, нашел другую, разлюбил ее (а он говорил, что любит) или, может, он гей. Короче, запарила свой мозг обычной женской хренью. На очередной намек на постель Игорь как-то сказал, мол, почему бы им не поужинать с продолжением у нее. Лера, естественно, за столько месяцев их романа ни разу не пригласила его к себе: в ее квартире никому кроме Игнатъича и его парней нельзя было быть. За визиты мужчин Леру никто бы не отчитал и не отстранил от дела. Однако она давно поняла, что с ее специализацией лучше в принципе не заводить контактов, таких близких уж точно. В общем, долго она отнекивалась от домашнего ужина с Игорем. Но природа взяла свое, и она сдалась. А все гребаный секс. И вот сегодня она очень надеялась, что «это» произойдет.

Не то чтобы «этого» у нее никогда не было. Нет, Лера не была девственницей, но все бывшие любовники не смогли сделать так, чтобы секс стал неотъемлемой частью жизни, тем, чего нормальные женщины постоянно хотят и чем умеют наслаждаться.

Валерия Самсонова впервые задумалась о сексе много позже, чем сверстницы: только на четвертом курсе, то есть уже после двадцати лет. И, откровенно говоря, тогда не она задумалась о нем. В тот вечер о сексе задумался одноклассник, напившийся в хлам на студенческой вечеринке. Лера была уверена, что не вызывает абсолютно никакого интереса у противоположного пола: невысокая, худая, с небольшой грудью, тускловатыми темно-русыми волосами, по-ботански собранными в пучок, и зелеными глазами, спрятанными за очками. Конечно же, отсутствие секса в ее жизни можно было объяснить еще и тем, что сама она была необщительной, замкнутой, помешанной на учебе. Ее гораздо больше интересовали трупы, чем живые люди с их естественными потребностями. Лера знала, что такое секс, но никогда не чувствовала влечения. До той студенческой вечеринки.

Девушка попала туда случайно, сидела весь вечер в углу, пила шампанское, как обычно ни с кем не общалась. Иван – ее одноклассник – к полуночи был очень пьян (только так Лера могла объяснить его настойчивое внимание к ней). Он начал с разговора об учебе, о препода-

дах, будущей интернатуре и так далее. Слово за слово, они перебрались в одну из комнат, где никого не было, он начал ее целовать, говорить всякую чушь, что она ему давно нравится и так далее. Лере были по барабану его слова, она в тот вечер просто твердо решила лишиться девственности в научных, конечно же, целях. И без разницы с кем.

Первый раз был отвратителен, девушка не получила никакого удовольствия. Даже наоборот – она решила, что на этом их с сексом отношения должны закончиться. С Иваном она старалась больше не общаться, на все его даже трезвые уговоры выпить кофе, посидеть в баре и сходить в кино отвечала грубым отказом, так что он вскоре скрылся из вида, а Лера опять целиком и полностью посвятила себя учебе: весь пятый курс активно готовилась к интернатуре. Ее главной целью тогда было попасть на практику в патологоанатомическое отделение без разницы какого именно учреждения, главное – поближе к интересным трупам.

Но лето после пятого курса стало для нее фатальным – чрезмерное любопытство и желание оказаться по локоть в чьей-нибудь крови сыграли с ней злую шутку. Когда Лера, желая по-своему подготовиться к интернатуре, решила украсть учебный труп, отвезти его в один надежный подвал и там разделать, она руководствовалась соображениями личной безопасности. Просто, если бы кто-нибудь увидел, как она уже тогда умела потрошить тела и что делала с органами и частями потом, ее бы не просто выгнали из универа, а, скорее всего, заперли бы в дурку. В итоге Леру, вывозящую на каталке труп, заметил сторож, который тут же вызвал руководство вуза, а то в свою очередь устроило студентке допрос. Валерия не стала говорить правду, но и врать она тогда еще не особо умела. Так что на все вопросы декана – зачем да на кой – она просто молчала. Историю с ночным похищением трупа огласке не предали, а ее без лишнего шума отчислили.

Вспоминая то лето, самое ужасное и в то же время судьбоносное, Лера в очередной раз поймала себя на мысли, что ничего в этой жизни не происходит просто так. Вот не отчислили бы ее тогда, она бы не впала в депрессию, не вернулась бы к родителям, которые обеспокоились состоянием их и без того замкнутой, но теперь еще более молчаливой, бледной и худой дочери. Предки решили, что их чаду сможет помочь психотерапевт, которая четыре недели пыталась «поговорить с ней о проблемах». Лера упорно молчала во время всех этих визитов, и попытки разговорить девушку не увенчались успехом. На заключительном сеансе врач, видимо, устав от такой пациентки, решила не возвращаться к тому, что она ничего не ест, никуда не ходит и ни с кем не общается. Анна Павловна вдруг заговорила о сексе.

– Валерия, мне, конечно, мало что о вас известно, но осмелюсь предположить, что с сексом, впрочем, как и со всем остальным, у вас все плохо? – заметив, что Леру заинтересовал такой поворот беседы, врач продолжила: – Позвольте дать вам совет: чего бы вы ни хотели от жизни, если остальное не помогает, можно попробовать добиться этого с помощью секса.

– Интересно, как это? – впервые за месяц Лера решила прислушаться к словам Анны Павловны.

– Вы красивая девушка. Да, красивая, и не спорьте, – врач сразу пресекла попытку Леры возразить ей. – Так бывает часто, что умные и чем-то весьма увлеченные девушки забывают о своей красоте или совсем не видят, а следовательно, не пользуются ею. И напрасно. Вам всего-то нужно посетить пару салонов, нанять стилиста, немного подкорректировать данную вам природой привлекательность, и вы станете неотразимы. А перед красивыми людьми двери чаще открываются, чем закрываются.

Этому совету Лера решила последовать. Она попросила у родителей денег, сказав, что психотерапевт ей очень помогла, но, чтобы окончательно выйти из депрессии, ей нужно сменить обстановку. Кстати, родители Леры были людьми состоятельными, не баснословно богатыми, но дать дочери пару сотен тысяч рублей на «путешествие» для них не составило труда.

Лера далеко не собиралась, ей всего-то нужно было снять квартиру на другом конце Москвы, подальше от предков. И тогда она начала свое преображение. Она стала посещать

салоны красоты и наняла стилиста. И уже через две недели Валерия Самсонова из ботаноподобной скромной шатенки превратилась в красивую ухоженную блондинку с горящими зелеными глазами (контактные линзы и никаких очков), аккуратной приподнятой пуш-апом грудью, выглядывающей из соблазнительного декольте модных блузок и обтягивающих платьев; всегда при макияже и непременно на каблуках. Новый образ жизни поначалу жутко раздражал Леру: куча времени уходила на мейкап и прическу, да и к шпилькам пришлось долго привыкать. Но когда она стала ловить на себе восторженные взгляды мужчин, когда незнакомые люди в кафе и ресторанах начали угощать дорогими напитками и блюдами, а таксисты подвозить бесплатно, девушка поняла: оно того стоило.

Постепенно Лера научилась пользоваться своей внешностью и через пару месяцев уже могла соблазнить кого угодно. За это время она позвонила родителям лишь однажды, чтобы сообщить, что пока останется жить в Праге, куда, как они думали, дочь поехала отдыхать. После этого звонка Лера больше никогда сама не звонила предкам и знала, что они тоже ее не потревожат, поскольку им больше нравилось «любить» чадо на расстоянии.

А у Леры началась совсем другая жизнь. Она научилась добиваться внимания мужчин благодаря своей внешности, теперь необходимо было найти «слепого глухонемого капитана дальнего плавания», который мог бы содержать ее, но при этом редко находился рядом. А в деньгах Лера крайне нуждалась. Работать где-то, кроме как в судебно-медицинской экспертизе, она не хотела, но о занятости по специальности можно было забыть. И дело было не только в отсутствии диплома. Даже если бы он у нее был, девушка все равно не смогла бы обращаться с трупами так, как ее душе было угодно. Но Лера знала, что в городских моргах есть куча невостребованных жмуриков, которых в конце концов отправляют в крематорий. И, имея определенное количество наличных, эти тела можно было с легкостью приобрести у нечистых на руку санитаров. Помещение для своих экспериментов она давно подыскала. Дело оставалось за малым: стать содержанкой богатого и желателно женатого папика. Лере претила мысль о занятии сексом, тем более со старпером, но помня совет психотерапевта и зная теперь, что с новой внешностью она вызывает желание у мужчин, умом понимала, что интим действительно может помочь осуществить ее планы.

Так что она принялась искать своего «идеального мужчину», который должен быть богат, чтобы без проблем давать столько денег, сколько ей нужно, женат, чтобы визиты к любовнице были редкими, и стар, просто потому что богатых, женатых и молодых не так уж много. Да и к тому же кавалер в годах будет относиться к молодой и красивой пассии с большим трепетом.

Долго искать такого мужчину не пришлось. В жизни Леры он не сыграл особой роли, поэтому вспоминала она его нечасто. Для нее это был просто способ добывания денег. Она пудрила мозги своему «принцу» при каждом его визите, то есть примерно раз в две недели, притворялась конченной блондинкой и клянчила деньги на новые шмотки, мебель, поездки... Покровителя, к счастью, интересовал только секс с ней, а на все ее просьбы он либо оставлял приличную пачку наличных, либо переводил энную сумму денег на карту, которую сам же и подарил. Ну и еще – этот старый богач был вторым мужчиной Леры. Секс с ним не был так ужасен, как самый первый раз, но и прекрасен он тоже не был. После папика была еще парочка санитаров, которые в обмен на бесхозные трупы не желали брать денег, а хотели только переспать с красивой блондинкой, и побоку, что она двинутая на всю голову: скупает мертвяков по бешеным ценам. Из-за таких случайных вынужденных связей секс по-прежнему не значился в списке вещей, от которых Валерия получала удовольствие.

И вот теперь Игорь. Он вызвал в Лере желание на первом же свидании. Когда за ужином рассказывал о себе, она смотрела на его губы и вдруг поймала себя на мысли, что хочет узнать каково это будет, если эти чувственные губы начнут целовать ее везде, где она пожелает. Такой пассаж удивил, но не напугал. Ее вообще мало что могло напугать. Дальше хуже – при каждой встрече этот адонис в форме вызывал все больше чувств у Валерии. Она часто фантазировала,

как они целуются, обнимаются, ласкают друг друга, занимаются любовью, хотя раньше таких глупостей за собой не замечала. Через несколько месяцев Лера поняла, что Игорь может стать как раз тем мужчиной, с которым она впервые займется любовью, а не сексом. Так что свидания у себя дома она ждала с особым нетерпением.

И, разумеется, сегодня, найдя в своей кухне труп, Лера запаниковала. Хорошо, что Игнатич был рядом, помог прийти в себя и спрятать тело. А уборка – это дело десятое.

Вообще, Спортсмен, как иногда называла Игнатича Лера, не в пример богатому папику, был как раз тем мужчиной, который круто изменил ее жизнь. Три года назад до него дошли слухи о красивой блондинке, которая периодически покупает в московских моргах бесхозные трупы. За несколько лет Лера примелькалась тамошним санитарам. И, конечно, платя за мертвяков огромные деньги, девушка надеялась, что бонусом к ним идет и молчание работников морга. Но когда на пороге ее московской квартиры появился человек невысокого роста в спортивном костюме со словами:

– Я знаю о твоём хобби, если захочешь, это может стать твоей постоянной работой, – Лера поняла, что ее сдали, но все же не осмелилась закрыть дверь перед незванным гостем.

В тот день Игнатич рассказал, что ищет человека, разбирающегося в судебной медицине, умеющего обращаться с телами и, главное, любящего свое дело. Деньги Лере предлагали баснословные, правда, нужно было переехать в другой город, а перед тем как начать работать – выполнить тестовое задание. Подумав пару дней, Лера согласилась на эти условия.

Все заботы о переезде и поиске квартиры Семен Игнатиевич взял на себя. Так что Лере оставалось только пройти тест. Девушку привезли в то самое затерянное в глуши здание, которое позже стало постоянным местом работы, привели в комнату, похожую на прозекторскую, оборудованную по последнему слову медицины, указали на труп, лежащий на столе, и попросили описать время и причину смерти. Лера сразу поняла, что наконец-то попала в то место, где могут сбыться все ее желания.

Не обратив внимания на изуродованное лицо мертвого мужчины, она приступила к вскрытию. Через пару часов, выйдя по локоть в крови и с горящими от удовольствия глазами, доложила Семену Игнатиевичу, что смерть наступила в результате множественных гематом, которые стали причиной разрыва селезенки и внутреннего кровотечения.

– Молодец, – сказал Семен Игнатиевич.

– Спасибо, – улыбнулась Лера. – А где вы его нашли? Его что, машина сбила?

– Нет. Это моих рук дело, – сказал ее начальник, человек невысокого роста, достаточно хилый, но в спортивном костюме. Глядя на Семена Игнатиевича, Лера поняла, что тот ждал, когда же девушка испугается, а она лишь приподняла бровь.

– Хм, а по вам и не скажешь, – спокойно произнесла блондинка, а затем добавила с издевкой: – Вы прям Спортсмен.

– Ты нам подходишь. Но тест надо закончить: твоя основная задача сейчас – и далее каждый раз – сделать так, чтобы этот труп было невозможно опознать, чтобы никто не понял, от чего, когда и где он умер. В твоём распоряжении этот кабинет и все, что в нем находится. Если будет нужно еще что-то, скажешь мне, я все сделаю.

Так началось их с Игнатиевичем сотрудничество. Видя, какие трупы он ей привозит, Лера поняла, что Спортсмен тот еще изверг. Она не задавала лишних вопросов, но постепенно узнала обо всем. И об их боссе, который развлекался тем, что выискивал себе жертв, несколько недель держал их в страхе, запугивая всевозможными способами, а когда человек – в основном это были мужчины – уже готов был сам свести счеты с жизнью, босс давал развлечься своей правой руке – Семену Игнатиевичу. И о том, что Спортсмен, будучи человеком физически не особо развитым, прибегал к помощи еще нескольких отморозков, которые помогали ему подольше мучить жертву перед смертью. Ну и саму смерть он своим «клиентам» выбирал не просто страшную, а порой ужасающую. Но при всем при этом Игнатич за годы их совмест-

ной работы стал для Леры не только коллегой, а настоящим другом, наверное, потому что был таким же психом, как и она. Правда, Лера всегда успокаивала себя тем, что лучше Игнатича: она-то ведь никого не убивала.

Такие мысли крутились в голове у Валерии, когда она, смыв кровь, стала начисто вытирать стол, стул и пол на кухне. Девушка решила разобраться с мертвым мужиком завтра, а сегодня заняться живым и желанным Игорем, с которым они через пару часов поужинают за этим самым столом, выпьют шампанского, а потом пойдут в спальню.

Вычистив кухню, Лера занялась готовкой. Потом накрыла на стол и побежала переодеваться: до прихода кавалера осталось всего полчаса. Это время она потратила, выбирая между красным вечерним платьем, соблазнительно обтягивающим все ее прелести, и пеньюаром, который будет весь вечер намекать Игорю, зачем он, собственно, сюда пришел. Лера решила не оставлять ему ни единого шанса подумать о чем-то другом и надела пеньюар. Когда раздался звонок в дверь, она была уже полностью готова: макияж, волосы, уложенные красивыми локонами, неизменные каблучки.

Идя открывать дверь Игорю, Лера бросила взгляд кладовую – она была закрыта. Дверь ее рабочего кабинета была вполне обычной, так что девушка не сомневалась, что бойфренда эта комната не заинтересует.

Игорь стоял на пороге с небольшим букетом роз. Он улыбнулся и потянулся ее поцеловать. Приветственный поцелуй, как всегда, был очень нежным, но в этот раз – настойчивым. Ее безумно обрадовала мысль, что сегодня все и вправду произойдет.

– Привет, красавица моя, – протянул ей букет Игорь, когда, наконец, оторвался от Лериных губ.

– Привет. Проходи на кухню, будем ужинать, – Лера одарила его той самой призывной улыбкой, от которой раньше все ее визави мужского пола теряли дар речи. Увидев в глазах Игоря вспыхнувшее желание, которое и ее уже съедало изнутри, она решила добавить огонька: развернулась и пошла на кухню, покачивая бедрами настолько сексуально, насколько только могла.

На кухне Лера достала вазу и стала набирать в нее воду. Вдруг она увидела возле холодильника ведро, перчатки и чистящие средства и поняла, что в спешке забыла отнести их в кладовую. Бояться особо было нечего – вода в ведре была уже не красная, да и перчатки чистыми. А вот огромная бутылка с пульверизатором могла вызвать вопросы. Естественно, там не красовалась надпись «перекись водорода», на ней вообще не было никаких опознавательных знаков, но от греха подальше лучше было все это спрятать.

Быстро закрыв кран и поставив цветы в наполовину наполненную водой вазу, Лера взяла ведро с перчатками и перекисью и направилась в коридор. Увидев Игоря, она безмятежно улыбнулась.

– Все уже готово, проходи, располагайся. Я только уберу ведро после уборки и сразу к тебе, – проследив, что кавалер направился на кухню, Лера поспешила в кладовую.

Зайдя в рабочий кабинет, она вылила воду в раковину, поставила ведро в шкаф, положила туда же перчатки и перекись. Бросив быстрый взгляд на незванный труп, Лера улыбнулась: после секса с Игорем, который наверняка утром уйдет на службу, она сможет заняться любимым делом. Когда исчезнет страх перед испорченным свиданием, выяснять, от чего именно умер этот неизвестный, будет еще интереснее и приятнее.

Выключив свет в кладовой и закрыв дверь, Лера пошла на кухню. И вдруг услышала тихий голос Игоря:

– Да, да. Я же тебе говорил, я чувствую, что это она. Ты думаешь, я зря ее окучивал столько месяцев? – шептал кому-то бойфренд.

Лера замерла, улыбка исчезла с лица: такой разговор был ей не по душе, она решила дослушать до конца и выяснить, о ком это говорит Игорь.

– Слушай, я ее сегодня трахну, а когда она заснет, осмотрюсь в квартире, наверняка найду какие-нибудь доказательства того, что она и есть наш «Потрошитель». Ну или хотя бы выясню, кто еще с ней в деле, я уверен, что она работает не одна. Такие зверства просто невозможно творить одной.

Лера уже все поняла и теперь стояла в раздумьях. Она затаила дыхание и стала быстро соображать, как же избавиться от Игоря, который в один миг превратился из желанного красивого полицейского в поганого мусора, угрожающего любимой работе. Но сначала нужно было выяснить, что собирался делать экс-бойфренд.

– Нет, – продолжал говорить по телефону Игорь. – Подмогу не присылай. Я доиграю роль заботливого любовника и заставлю эту дуру еще больше влюбиться в меня. Когда уснет, спокойно обшарю здесь все, утром как хороший мальчик сделаю завтрак и кофе в постель, чтобы она ни о чем не догадалась, а потом уйду. Нет, найду доказательства, тогда и арестуем ее. Все, пока. Я сам потом позвоню.

Услышав, что разговор закончился, Лера подождала секунд двадцать в коридоре, а затем вошла на кухню. Она уже придумала, что делать, осталось только воплотить этот план. Увидев, что Игорь сидит за столом, она быстро подошла к нему, села на колени и страстно поцеловала.

– А я не особенно голодна, – голос ее был низким и призывным. – Может, сразу перейдем к главному?

После этих слов девушка положила руки Игоря себе на грудь. Он сжал ее и принялся целовать Леру в шею. Она не смогла сдержать стон.

– Милый, давай пойдем в другую комнату, у меня для тебя сюрприз, – сказала Лера и, взяв Игоря за руку, увлекла его за собой.

В коридоре они остановилась. Лера взяла с вешалки шелковый шарф.

– Эта ночь должна быть незабываемой. Давай закроем твои глазки, – видя, что Игорь нахмурился, она поспешила успокоить его: – Чтобы не испортить сюрприз. Не волнуйся, тебе понравится.

Кавалер улыбнулся и кивнул, и Лера завязала ему глаза. Снова взяв любовника за руки, девушка аккуратно повела его в сторону кладовой. Они зашли в рабочий кабинет и остановились на середине. Даже в полной темноте она здесь отлично ориентировалась.

– А здесь прохладно, ты открыла окна?

– Да, милый, но сейчас тебе будет очень жарко, – отвлекала его внимание девушка.

Сняв шарф с глаз бойфренда, Лера, целуя его шею, принялась связывать ему руки.

– Ого, так крепко! – удивился и напрягся Игорь.

– Милый, ты что, не хочешь меня? – изобразила Лера обиженную влюбленную.

– Конечно, хочу, очень хочу...

– Тогда давай немного поиграем, ты получишь огромное удовольствие, – прошептала она на ухо мужчине.

– Давай. Только я ничего не вижу. Солнышко, включи свет.

– Сейчас, – протянула призывно Лера, отстранившись от любовника.

– А-а-а! – вскрикнул Игорь, почувствовав острую боль сначала под правым, а через секунду и под левым коленом.

Неожиданно для самого себя он упал. Тут в комнате зажегся свет, и он увидел Леру, стоящую в нескольких метрах от него: подол пеньюара испачкан кровью, в правой руке она держала окровавленный скальпель. До Игоря дошло, что это его кровь: она перерезала ему сухожилия.

– Ты искал доказательства, вот они, – спокойно произнесла Лера и отошла в сторону, чтобы Игорь смог увидеть труп, лежащий на столе.

– Ах ты, сука! – выкрикнул тот, пытаясь встать, но ноги не послушались.

– Тебя все равно достанут, не я, так другие, – гневно произнес Игорь. Он попробовал высвободить руки, не получилось.

– Как ты узнал обо мне? – все так же бесстрастно, не повышая голос, спросила Лера.

– Да пошла ты, – выпалил Игорь. – Я тебе ничего не скажу. Я лучше схохну.

– Как пожелаете, сержант Панов, – прошипела Лера.

За пару шагов она оказалась за спиной у мента и одним быстрым движением скальпеля перерезала горло. Как профессионал она знала, что лучше наклонить голову вперед, чтобы кровь бежала быстрее. И действительно, очень скоро все было кончено: Игорь перестал хрипеть и замолк. Навсегда.

Секунд тридцать Лера стояла в раздумьях, затем наклонилась проверить пульс, а заодно и его карманы. После того как Игнатъич избавится от тела, никаких следов пребывания этого мента в ее доме не должно быть. Обшарив брюки Игоря, девушка вытащила телефон, удостоверение и маленький стеклянный флакон с какой-то жидкостью. «Афрозидиак», – прочитала вслух она.

– Вот же сука! – теперь настала ее очередь ругаться. В сердцах она изо всех сил пнула мертвого полицейского в бок. – Ну теперь все понятно.

Все и в самом деле встало на свои места: Валерия была слишком практичной девушкой, полагающейся на разум, а не на чувства. На первое свидание с Игорем она пошла, потому что тот был слишком напорист, но после того вечера подумала, что он ей действительно нравится, а, может, даже и больше. Теперь ясно, откуда взялась эта ахинея, – это вовсе не чувства, а химический процесс, вызванный этим препаратом. У Леры аж от сердца отлегло – она не изменилась, не размякла, как считала еще пару недель назад, а просто была «под кайфом». По всей видимости, мент подливал ей этот афрозидиак при каждой встрече, чтобы она испытывала к нему желание и хотела секса с ним настолько, чтобы позвать к себе домой.

Лера бросила злобный взгляд на тело Игоря: «Сучонок мерзкий», – только и пронеслось в голове. Затем девушка оглядела себя и стала переодеваться. Сняв окровавленный пеньюар, она вынула из шкафа рабочую форму и уже через пару минут снова стала похожа на врача в операционной. Затем Лера принялась осматривать фронт работ.

– Н-да, вот оно, значит, как, – по привычке заговорила Лера сама с собой, во время работы она всегда так делала.

– И вовсе несложно, если не заморачиваться, как Игнатъич: по горлу чик, и все. Совсем, совсем несложно, – говорила Лера, а сама тем временем лихорадочно мыла руки под краном. Тут до нее дошло, что руки были уже в перчатках. Поняв, что делает, что-то не так, Лера глубоко вздохнула, выключила кран, сняла перчатки и села на стул.

– Не-слож-но, – медленно произнесла она.

Лера впервые убила человека сама. Это было легко физически, но морально ей предстояло это еще осознать. Глядя на то, как растекалась по полу кладовой кровь Игоря, Лера постепенно приходила в себя. Набросав тряпок вокруг тела, блондинка решила, что им займется позже.

– Пока что надо разобраться с тобой, таинственный незнакомец, – вновь начала думать вслух девушка. Она уже посвятила несколько минут сожалениям о том, что осталась без долгожданного секса. Опыт с получением физического удовольствия провалился. Тем не менее, прикинув, что в ближайшие пару дней ей будет чем интересным заняться, она решила сильно не огорчаться.

– А ты красивый, – сказала она незваному трупу. – Даже лучше, чем этот мент. Откуда же ты взялся?

Надев новые перчатки, она подошла к рабочему столу, на котором лежал мертвец, взяла в руки чистый скальпель и сделала на трупе Y-образный разрез.

– Ладно, мальчики, – выдохнула блондинка. – Командовать парадом буду я.

После этих слов Лера включила любимую музыку – сборник песен группы «Snap», первой заиграла «I've got the power» – и за закрытыми дверьми своего кабинета погрузилась в потрясающий, загадочный, удивительный мир смерти.

Глава XI. Ляля

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

«Господи, откуда звук», – подумала Оля, услышав музыку.

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

Мама дорогая, и так хреново... Ну выключите уже кто-нибудь звук... Господи, пусть я еще сплю, пусть это сон... Блин, это точно не сон, во сне так не тошнит...

Девушка лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Когда откуда-то в очередной раз донесся трек группы Flo Rida «Rigth Round», она, не отрывая больной головы от подушки, начала шарить руками по постели в надежде найти источник звука.

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

«Вот уж, действительно – кружится голова... Да заткнись ты уже», – мысленно проклинала Оля неугомонный гаджет.

– Марина, – девушка хотела крикнуть, но, к удивлению, услышала только еле слышный хриплый шепот, свой шепот, как дошло до нее через несколько секунд. – Марина...

А-а, как же хочется пить. Девки, сучки, ну выключите кто-нибудь этот яблофон. Оля помнила, что из всей компании iPhone был только у одной из них, и именно на нем стоял этот треклятый рингтон.

– Маринка, ну возьми ж ты трубку, наконец.... Проснись и возьми трубку, ну пожалуйста, – шептала она больше для себя.

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

С большим трудом удалось оторвать голову от подушки, затем она медленно оперлась на руки и так же медленно подтянула колени. Встав на четвереньки, Оля какое-то время качалась взад-вперед. Потом, не открывая глаз, она доползла до края кровати, сделала небольшое усилие и села на пятую точку. Через пару минут, наконец, удалось открыть глаза, и первое, что она увидела, – свои ноги, которые были по колено измазаны в чем-то зеленом.

– Балин, – медленно выдохнула Оля.

Она уткнулась лицом в ладони и начала медленно растирать пальцами лоб, а потом и виски. Посидев так еще минуту, девушка попыталась встать одним быстрым движением, но резкая боль в голове тут же лишила ее сил: она рухнула как подкошенная, причем не на кровать, а на пол.

– Ай... ну вот, теперь еще и жопа будет болеть, – обреченно сказала Ольга.

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

– А я-то подумала, что ты уже сдох, – вновь обратилась она к невидимому, но очень хорошо слышимому телефону. – Я тебя все равно найду.

Полная решимости отыскать гаджет, который так безжалостно и не вовремя разбудил ее этим утром, она все же нашла в себе силы встать. Оглядела комнату и, поняв, что ночевала тут одна, а также что телефона здесь точно нет, пошла искать iPhone и своих собутыльниц, которые почему-то не проснулись от этого мерзкого рингтона.

Оля вышла в длинный и просторный коридор: несколько дверей по обе стороны вели в разные комнаты. Часть из них были закрыты, и девушка подумала, что ее подруги, скорее всего, еще спят.

«Сколько же времени? Девки, девки, хорошо вам – не разбудил вас этот сучонок», – думала Оля, пока медленно, держась одной рукой за стенку, шла на кухню. Там после вчерашнего наверняка осталось шампанское или мартини, ну или газировка хотя бы. Ай, можно и воды из-под крана, я щас просто сдохну от сушняка.

По пути Оля заглянула в приоткрытую дверь одной из комнат.

Вера и Вика были там... Понятно, эти, видать, самые крепкие, утомонились, похоже, только под утро. Оля посмотрела на спящих подруг и хмыкнула, вспоминая, какими веселыми они были накануне. Сама она тоже порядком набралась: начала с шампанского, закончила вискарем и абсентом, причем «посинела» за какие-то несколько часов. Оля помнила, что к приходу стриптизера соображала совсем слабо, а когда сказала Вальке, что ее тошнит, девчонки отвели ее в самую дальнюю комнату и уложили спать. Выходит, из всех пятерых она вырубилась раньше всех. А эти двое наверняка гудели до утра, как и всегда.

Сейчас Вика раскинулась как звезда на красивом пушистом ковре, ее черные волосы спутались и были испачканы непонятно чем. Длинные ноги не были вымазаны, но на одном из колен красовался приличный синяк. Вера же смогла доползти до кровати, в отличие от подруги, и сейчас спала, свернувшись калачиком.

Еще раз оглядев спящих девчонок, Оля прикрыла дверь и пошла на кухню. Добравшись до холодильника и найдя там бутылку колы, она стала водить глазами в поисках спиртного, но задача предстояла не из простых: мало того, что кухня была огромной, так после вчерашнего здесь царил настоящий бедлам. Блестки, перья, какие-то шапки и рожки, трубочки-гуделки, одежда, коробки из-под пиццы и, естественно, куча бутылок. Перебрав несколько стеклянных

тар и не найдя в них ни капли алкоголя, Ольга вздохнула. Налив в стакан колы, она залпом выпила ее и поморщилась: гадость она и есть гадость.

Мартини... Нужно срочно найти мартини. «Похмеляться, так со вкусом», – подумала девушка. Еще раз осмотрев все ящики на кухне, но не обнаружив заветного напитка, Оля решила поискать в других местах.

Прихватив с собой стакан и бутылку холодной колы, Оля вышла в коридор. Когда она увидела дверь в ванную, то тут же вспомнила, почему рингтон, доносившийся издалека, все же разбудил ее этим поздним похмельным утром: природа начала звать ее задолго до телефона – очень писать хотелось, но жажда на какое-то время заглушила желание справить малую нужду. А теперь до Ольги дошло, что она уже битый час хочет в туалет. В ванной она бегом кинулась к унитазу. Поставив колу и стакан на пол, она опустилась на унитаз. Лишь облегчившись, Оля осмотрелась: все, как и накануне: куча женских шмоток, косметики, несколько пар лодочек. Было понятно, что вчера здесь передевались и прихорашивались не единожды.

Сидя на унитазе и оглядывая ванную, в которой сама вчера была не раз, Оля все же не переставала удивляться тому, до чего огромным было помещение. Такие ванны могут позволить себе только состоятельные люди. В ней, пожалуй, могла бы поместиться вся Ольгина однушка! И мебель здесь была лучше и красивее. На почти 60 квадратных метрах разместились сама ванна, два унитаза, биде, душевая кабина, посередине стояли два диванчика полукруглой формы, большая раковина с двумя кранами – у одной стены, вместительный шкаф с множеством ящиков – у другой. Да чего там говорить, в этой ванной спокойно могли бы жить три человека: двое спали бы на диванах, а третий с комфортом устроился бы в ванне, впечатляющих размеров ванне, к слову.

Оля остановила задумчивый взгляд на ванне, и тут до нее дошло, что там действительно уже кто-то устроился: шторка была задернута, но не до конца, а так, чтобы из-за нее выглядывал бортик, на котором лицом к стене покоилась голова. По цвету волос она сразу поняла, что это Валя.

– Рыжая, ты спишь? – не вставая, прошептала Оля.

Она подумала, что можно попробовать разбудить подругу: вдвоем похмеляться веселее, к тому же Валька могла бы рассказать, что там еще интересного было вчера.

– Рыжая? – ответа не последовало.

Оля встала со своего трона раздумий, прихватив напиток и стакан, и тихонько прошла в другой конец комнаты. Аккуратно одним пальцем отодвинула шторку. Увиденная картина была странной и пугающей: заполненная наполовину ванна, с красной, кроваво-красной водой. У Оли перехватило дыхание. Она медленно перевела взгляд на Валькину голову: лицо подруги по-прежнему закрывали волосы, но на затылке Оля отчетливо увидела бордовое пятно.

Выронив из рук и колу, и стакан, который упал на коврик и поэтому не разбился, Оля закрыла руками рот, сдерживая вырывающийся крик.

– Мамочки, мамочки, – только и смогла тихо выговорить она, пока пятилась к выходу.

Оля хотела выбежать в коридор, закричать, позвать на помощь подруг, но тут к горлу подкатила тошнота и девушка молнией ринулась обратно к унитазу. Все веселье, переполнявшее ее последние сутки, высвободилось, наконец, из Ольгиного желудка и теперь покоилось на дне унитаза.

Оля терпеть не могла, когда ее рвало. Этого состояния она старалась избегать как только могла, но зачастую все пьянки с ее подругами именно так и заканчивались. Перестав содрогаться от рвотных позывов, она нажала на кнопку слива, еле-еле встала с колен и подошла к раковине. Сполоснув рот и наскоро умывшись, она подняла голову и тут, впервые за это утро, увидела свое отражение. Длинные черные волосы были спутаны и измазаны чем-то белым и липким, под глазами черные круги несмытого макияжа, шея тоже была испачкана белым нечто, а фиолетовая майка с черной надписью «Подружки невесты» была порвана как минимум в

трех местах. Оставив на потом раздумья на тему «как можно было ужраться за пару часов так, чтобы ненавидеть себя на завтра», Ольга бросила испуганный взгляд в сторону ванны и бросилась прочь из комнаты.

– Девочки! Девочки! – Оля вопила во все горло, пока бежала по коридору в спальню, где спокойно спали друзья.

– Девочки, – выдохнула она, вбежав в комнату: подруги по-прежнему спали.

– Девки, вставайте! Беда! – что было мочи снова крикнула Оля.

– Че те надо, Ляля? Сама не спишь и другим не даешь, – первой подала голос Вика.

Не открывая глаз, она сменила свою позу звездочки и легла на бок, подогнув ноги.

– Рано же еще, иди спи, – зевнув, попыталась уговорить подругу Вика.

– Вик, Вальку убили, – вымолвила Оля и, скользя спиной по стене, медленно опустилась на колени.

– Как убили? Ты чего, Ляль? Ты если еще не протрезвела, то так-то не гони – убили! – Вика уже проснулась, села и теперь укоризненно смотрела на Олю.

– Че случилось-то? – все еще зевая, спросила она подругу.

– Рыжая... Валька в ванне лежит, вся в крови... Го-ло-ва про-лом-ле-на, – Оля больше не могла сдерживать слезы и заревела в голос.

– Что за рев? – донесся с кровати хриплый голос Веры. Увидев, что Оля сидит у входа и рыдает, она не на шутку испугалась.

– Ляля! Ляль, что стряслось? – Вера подошла быстрой, но шатающейся походкой к Оле, присела рядом и начала гладить ее по голове. – Ляля, миленькая, успокойся. Ты чего? – пыталась добиться она от подруги ответа.

Но Оля уже вошла в раж: рыдания лились из нее потоком, не давая ни секунды передыха. Так продолжалось пару минут.

– Вика, ты поняла, что произошло? – недоумевала Вера. В ее голосе явно слышалось недовольство ситуацией: после такой ночи можно было и подольше поспать.

– Вальке голову проломили, она в ванне лежит мертвая, – произнося это, Вика, прекрасно понимала, что Оля ее не услышит: та была полностью поглощена своей истерикой. А вот Вера сразу вспомнила, что к чему.

– Лялечка, ты расскажи, что именно ты видела? – ласково спросила она Олю. – Может, тебе показалось?

– Какой нафиг... Я в туалет, пописала... потом смотрю – Валька в ванне, вся в крови, вода в крови, голова в крови, я ее зову, а та даже не шевелится, – всхлипывая через раз, рассказала Оля свою версию случившегося.

– Надо что-то делать, кого-то вызвать. Я пойду посмотрю... – сказала серьезным тоном Вика, которая на самом деле даже и не собиралась подниматься и покидать комнату с рыдающей Лялей.

– Нет, Вик, не ходи! Это ужасно... – остановила подругу Оля.

– Что ужасно? – донесся из дверного проема еще один голос.

– Мертвая Валька... Она там... вся в крови... – снова начиная всхлипывать, произнесла Ольга.

– Какая Валька, и чего она мертвая? – не унимался голос.

– Наша Валька, рыжая! – психанула Оля... Но, подняв глаза, она увидела Вальку – в мокрой майке и плавках, всю в крови... или в чем-то красном, явно замученную похмельем, пытающуюся вытереть насухо длинные рыжие кудри. – Мер-тва-я... – по слогам произнесла Оля. Она не успела потерять сознание при виде живой «мертвой» Вальки, так как комната наполнилась хохотом: смеялись все, даже Валя.

– Ляля... Аха... ха-ха-ха..., – пыталась что-то сказать Вика, но смех душил ее. – Лялька, я тя обожаю. Как же тебя легко развести.

Оля смотрела на них во все глаза: она уже сообразила, что опять стала жертвой очередной дурацкой шутки своих подружек. Поняв это, она безумно разозлилась и мысленно решала, как и кого из них прикончить первой.

– Вы... Вы! Долбанушки чокнутые! Да как вы... Нахера?! Валя! А ты как согласилась? – обратила Оля негодующий взор на подругу.

– На меня не смотри, я вообще спала, – улыбаясь, пыталась оправдаться Валя. – Но, согласись, смешно же получилось.

– Да ни хрена не смешно, дуры вы! Я чуть дубу со страха не дала... Меня же вырвало, – плаксивым тоном сказала Оля.

Она было снова хотела развеяться от обиды, но решила не веселить больше своими слезами этих дурочек и показала подругам фак и язык.

– Очень по лялявски, – улыбнулась в ответ Вера.

– Как вам только в голову такое пришло? – чуть остыв, спросила Оля.

– А нефиг было так быстро напиваться и вырубаться на такой крутой вечеринке. Мы, понимаешь ли, не одну неделю готовились, а она насинячилась и баиньки, – пропесочила подругу Вика. – Мы решили тебя проучить. Валька, кстати, ничего не знала. Она тоже хороша – уснула в ванной во втором часу ночи, когда веселье было в самом разгаре, а стриптизер без нее не хотел продолжать нас развлекать. Сказал, что влюбился в нее.

– Правда? Так и сказал? – подала голос Валя, которая уже удобно уселась в кресле и вытирала белоснежным полотенцем мокрые, грязные красные волосы.

– Так и сказал? – передразнила подругу Вика. В ее голосе явно слышалось раздражение. – Ау, рыжая, я тебя умоляю – он же стриптизер. Он все что угодно скажет, лишь бы денег побольше срубить. Наплел с три короба, а ты уже готова ему верить, – в конце фразы Вика закатила глаза и фыркнула, выражая недовольство наивностью подруги.

– Я просто спросила, нечего на меня фыркать, – огрызнулась Валя.

– Девочки, щас не об этом, – продолжила Вера. Она посмотрела сначала на Валю, затем на Ольгу и сказала: – Короче, суть в том, что вы две пропульсивки оказались самыми слабыми, а мы решили вас проучить.

Верка подрабатывала переводчиком, английский с пятого класса давался ей легко, был любимым предметом. Однажды в тексте, над которым она трудилась, автор допустил ошибку и вместо «propulsion complex» написал «propulsivky complex». Вера долго не могла найти перевод, а потом придумала свой. С тех пор слово «пропульсивки» стало для нее ругательством, которым она иногда одаривала провинившихся подруг.

– Когда мы все уже порядком набрались и когда основная программа вечера подошла к концу, в общем, где-то под утро то ли я, то ли Вера предложила разыграть вас обеих. Вальку мы просто решили оставить спать в мокрой ванне, и она же стала нашей «жертвой». Ну а, зная твою склонность все драматизировать, – тут Вера повернулась и посмотрела на Олю: – Мы были уверены, что ты попадешься на эту удочку. Так и вышло. Ты, Ляля, очень предсказуема: если уснула раньше всех, то и проснешься раньше. А если увидела труп, то ни за что к нему не притронешься, чтобы проверить – труп ли это на самом деле. Короче, розыгрыш удался, – подытожила старшая из подруг.

– Еще как! Видела бы ты свое лицо, – снова засмеялась Вика, вспомнив, с каким выражением Оля смотрела на «мертвую» Валю. – Эх, жаль никто не сфоткал.

– Этого еще не хватало, – нахмурилась Ольга. – Хотя сегодня вы прям сами себя превзошли: так страшно мне еще не было от ваших дебильных розыгрышей.

В Олином голосе явно слышались обида и злоба.

– Ты их теперь никогда-никогда не простишь? – поинтересовалась Валя с неподдельной тревогой. Олины обиды иногда всей компании выходили боком, поэтому подруга действительно забеспокоилась.

– Да ну вас... Пора уже привыкнуть к тому, что все вы такие ненормальные, но мне ведь никуда от вас не деться, правда? – Оля так посмотрела на подруг, что все они разом замолчали и устали на нее с виноватым видом: в комнате повисла тишина и не осталось ни намека на веселье, царившее здесь еще несколько минут назад. Оля обвела подруг грустным взглядом и вышла: теперь ей просто жизненно необходимо было найти мартини.

Поиски решено было возобновить на кухне. По дороге туда девушка зашла в ванную и забрала стакан и колу. Еще раз оглядевшись, Оля заметила, что из-под белого диванчика посреди комнаты торчит горлышко какой-то бутылки. Послав мысленные молитвы во Вселенную, она наклонилась и достала бутылку.

– Да! Спасибо-спасибо, – отблагодарила Оля всех, кого только можно: в бутылке было еще больше половины ее любимого напитка.

Собрав все составляющие опохмельного коктейля, Ольга направилась в комнату, в которой проснулась: там был уютный балкон с потрясающим видом на город. Проходя по коридору, она услышала голоса подруг, которые живо что-то обсуждали. Оля остановилась в нескольких шагах от приоткрытой двери большой спальни и решила немного послушать.

– Как думаете, она опять вспомнила? – с тревогой спросила подруг Валя.

– Не знаю, – ответила Вера. – Но снова этот ее взгляд... как будто она предпочла бы лучше умереть, чем с нами общаться.

– Ладно, не нагнетай, – бросила по обыкновению резкая Вика. – Все нормально с ней, погрузит и успокоится, как обычно. Все перенесли это и ничего, пока живем. Лишь бы она опять болтать не начала.

– Может, ее снова к психологу? – предложила Валя. – Раньше же помогало.

– Давайте о психологе подумаем потом. Хотя я считаю, что это лишняя трата времени и денег. Прошлого не вернуть, что сделано, то сделано. Пора бы ей уже успокоиться, – Вера, которая раньше по поводу их совместного прошлого переживала не меньше Оли, с годами стала быстрее остальных все забывать. Либо умело делала вид, что совсем не хочет об этом помнить.

– Кстати, а где Марина? – как всегда она перевела разговор в другое русло.

– Не знаю. Наверное, в своей спальне. Чего ей с нами-то спать, мы ей не чета. А может, она вообще там со стриптизером кувыркается, – зло бросила Вика, которая на дух не переносила хозяйку квартиры.

– Ой, да успокойся ты уже. Сама знаешь, Марина не такая, да и получше некоторых. Уж она-то точно не пустится во все тяжкие, даже на собственном девичнике, – поставила Вера свою спесивую подругу на место.

– Вот откуда ты знаешь, какая она, твоя Марина? Без году неделя она в нашей компании, а ты ей дифирамбы поешь...

Слушать очередной спор подруг о Марине Оля не хотела и пошла в спальню для гостей, или, как ее еще называли, – дальнюю комнату. Войдя, она отыскала взглядом настенные часы: стрелки показывали начало третьего.

«Офигеть! Вот это поспали, точнее – вот это погуляли», – поразилась про себя девушка. Тому, что она проспала так долго, Оля не удивилась: ее организм всегда требовал многочасового сна, если его травил алкоголь.

Открыв дверь на балкон, она не без удовольствия ощутила вечернюю прохладу: кто-то предусмотрительно оставил два окна на проветривании. На обычно теплом балконе сейчас было столько же градусов, сколько и на улице, – не больше +16. В их городе майские вечера очень приятные: не слишком жарко, не слишком холодно, а иногда легкий ветерок, прямо как сегодня.

Балкон, как и вся эта квартира, был большой, с евроремонтом, а его главным украшением была барная стойка практически во всю длину с четырьмя барными стульями, все из какого-то

красивого и наверняка жутко дорогого дерева. Она была вроде подоконника – так что, устроившись за ней, можно было смотреть в окно. Оля села на стул и поморщилась: падение на попу не прошло бесследно, одна ягодица все еще побаливала, но сидеть можно было. Девушка налила в стакан немного мартини и уже совсем не холодную колу. Выпив получившуюся смесь, она снова поморщилась: слишком теплое.

– Безо льда никак, иначе фигня, – подумала Ольга вслух.

Оглядевшись, она увидела в одном конце балкона специальный холодильник для вина, битком набитый бутылками, а рядом с ним еще один, поменьше. В этом мини-холодильнике был всего один ящик, почти доверху наполненный льдом. Набрав полный стакан прозрачных кубиков, Оля вернулась на стул и теперь уже с уверенностью смешала себе коктейль, в простонародье именуемый «мартини-кола».

Глотнув прохладного напитка, Ольга с облегчением вздохнула: впервые за этот день, точнее вечер, она почувствовала себя нормально. Открыв настежь окно, девушка вдохнула прохладный воздух и решила пока спокойно побыть здесь и подумать, а подружки пусть сами там разбираются со своим похмельем и всем остальным. Перегнувшись через раму, Оля стала смотреть вниз, пытаясь разглядеть с высоты одиннадцатого этажа, какие цветы растут на клумбе перед домом. Там однозначно были тюльпаны, причем самых разных цветов и калибров.

«Интересно, кто их сажает и ухаживает за ними», – подумала девушка. Конечно, она знала, что это элитный дом с консьержем, садовником и наверняка каким-нибудь еще персоналом. Просто ей вдруг захотелось увидеть человека, который вырастил такую красоту. Цветы Оля обожала, любила смотреть на них, любила запах некоторых из них. Так она просидела с четверть часа: попивая коктейль и любуясь тюльпанами.

Вдруг она увидела парня, лет пятнадцати, он лежал в пустом пространстве посреди клумбы: мертвенно-бледный и с торчащей из груди арматурой.

Оля знала, что делать: она крепко зажмурила глаза и посчитала до десяти, затем, что есть силы, сжала в обеих руках холодный стакан, с шумом выдохнула и посмотрела вниз – мертвый подросток никуда не делся. Девушка прищурилась и стала вглядываться в лицо несуществующего – как она точно знала – парня. Еще крепче сжав стакан, она нервно сглотнула, и тут покойник открыл глаза и посмотрел прямо на Ольгу.

«Это не по-настоящему, не по-настоящему, его нет, просто нет, его не существует, это только твои видения», – закрыв глаза, повторяла она снова и снова, про себя и иногда вслух, зная, что скоро все пройдет. Так и вышло. Через минут пять девушка бросила боязливый взгляд вниз: только красивые тюльпаны и никаких страшных трупов. Но все же Оля закрыла окно, боясь, что видение вновь появится.

Она залпом осушила стакан, убрала его в сторону и закрыла лицо руками. Страха теперь, когда видение, преследующее ее последние 15 лет, исчезло, не было. Осталось только чувство усталости и жалости к себе.

«Господи, ну почему опять? Почему сейчас? Почему вообще именно я должна за все это расплачиваться? – мысленно убивалась Ольга. – М-м, опять к психологу придется идти. Итак, денег нет, а тут еще это. Мрак».

Мертвый подросток с торчащей из груди арматурой... Молодой красивый парень.... Мальчик, допустивший одну небольшую ошибку и поплатившийся за нее жизнью.... И они. ОНИ! Они – это три Олины подружки и, конечно же, она сама. Она тоже виновата, может, даже больше других, ведь видения преследуют только ее. Но в такие моменты она ненавидела только ИХ.

Это случилось пятнадцать лет назад, когда Ольга и ее подружки были совсем детьми, кроме Веры: она у них самая старшая, в то лето ей уже исполнилось 16, а Оле – всего 11. На тот момент они были уже не разлей вода. Мало того, что все из одной школы, так еще и дома расположены по соседству. Оля и Валька жили в одной многоэтажке, Вера и Вика в другой. Родители Веры

и Вики знали друг друга всю жизнь, потом и их дети подружились. Вальку в их группу привел ныне покойный брат Веры, он и рыжая вместе пели в школьном хоре. Когда дружная компашка заметила Олю, ей было всего восемь. Ее родители только переехали в этот район, и во дворе она еще никого не знала. Первой с ней познакомилась Валя, а потом и остальные признали ее. Через три года Оля уже не представляла своей жизни без подруг: в школу и из школы вместе, игры вместе, все праздники вместе. Мама и папа иногда шутили, что у них теперь не одна, а целых четыре дочери. Но родители каждой из девочек были только рады такой крепкой дружбе своих детей.

Они были веселыми и беззаботными. Все из благополучных семей, хорошо учились, занимались в кружках, общие интересы, девичьи разговоры, посиделки, практически подростковая идиллия. Самым криминальным в их компании считалось попробовать шампанское или нечаянно увидеть сексуальную сцену по телевизору. Ни одна из них не была, конечно, пай-девочкой, но и пацанками они тоже не слыли. Редкие ссоры из-за того, куда пойти, или если кто-то что-то забыл, перенес, не успел сообщить, вспышки гнева у Вики, которая иногда считала просто необходимым накричать на подруг, но потом обязательно жалела об этом и долго извинялась – частая смена настроения у нее объяснялась тем, что в свои 14 она только-только вступила в период полового созревания – все эти мелочи решались быстро и по месту, никогда не внося надолго разлад в их компанию. Казалось, что впереди у них годы веселой и интересной «совместной жизни». Они дали клятву, что в будущем, как бы далеко их ни забросило, они обязательно будут встречаться дважды в год. Но серьезно об этом подружки не задумывались, ведь у них было еще минимум шесть лет, до той поры, пока самая старшая из них не окончит университет, а получать «вышку» они твердо решили в родном городе.

Многие завидовали таким отношениям этих девочек и говорили, что им повезло: выйдут замуж, нарожают детей, которые будут играть и дружить друг с другом, будет всем вместе весело и интересно. Такое будущее им пророчили родители, родственники и все, кто их знал. Однако один несчастный случай изменил их судьбы.

В то лето у Веры, которая уже была не просто девочкой, а девушкой, появился парень. Точнее, ухажер, потому как Вера никак не соглашалась пойти с ним в кино или кафе, а он все никак не прекращал оказывать знаки внимания: звонил, писал записки на переменах, приходил к ней домой и приносил небольшие подарки. Вера же, хоть ей и льстили такие ухаживания, не могла выкроить хоть один свободный вечер: то уроки, то кружки, то надо помочь брату, а оставшееся время хотелось провести с подругами. Но вот однажды, переделав все дела, Вера поняла, что впереди целая суббота и не надо учить уроки, брат уехал участвовать в очередном конкурсе, а у каждой из подруг на этот день запланированы свои дела. Она позвонила Виталику и договорилась встретиться с ним на катакомбах. Он даже не стал возражать против такого места для первого свидания, хотя Вера и забыла ему объяснить, что ей надо успеть побывать там до следующих выходных.

Катакомбы – это недостроенное семиэтажное здание в противоположном от их микрорайона конце города. Место, про которое ребяшня во дворе рассказывала друг другу кучу страшилок, куда взрослые запрещали ходить своим детям и где назначали свидание отчаянные подростки. Подруги, да и сама Вера, ни разу там не были, но в последнее время поставили себе цель: обязательно съездить туда до начала лета, когда большая часть из них разъедется по лагерям и бабушкам. Оставалось всего ничего до конца мая, так что на следующие выходные был намечен тур на катакомбы. А Вера решила, что в эту субботу сходит туда с Виталиком – сможет побыть с ним наедине, а заодно разведает обстановку, чтобы девчонки не боялись. Как-никак она была самая старшая и ей всегда казалось, что ее обязанность – знать больше их, помочь советом, а при необходимости – защитить.

Что именно Вера с Виталиком делали или собирались сделать в тот день, Оля не знала. Но когда подружки увидели эту парочку, они страстно целовались, а парень даже тискал Веру за

грудь, и она не возражала, ведь ее руки крепко обнимали его шею. Но Ляля все равно увидела родимое пятно парня, что было как раз на шее. То самое, о котором Вера рассказывала. Отличительная черта что надо – такую увидишь даже с большого расстояния, вот и Оля все никак не могла отвести глаз от этого причудливого знака. Так они и стояли – молодые, красивые, целующиеся в окружении серых стен недостроенного здания. А напротив – трое недоумевающих девчонок. Первой прервала любовную сцену Вика, которая была уже готова взорваться от негодования.

– Мы ее по всему городу ищем, а она тут сосетя! – Оля помнила каждое слово, сказанное в тот день, ведь эти события она прокручивала в голове снова и снова.

После Викиных слов Вера резко отпрянула от парня и уставилась на подруг.

– Девочки? – она будто все никак не могла понять, что это правда они. – Вы откуда здесь?

– Вер, ну ты вообще... – грустно сказала Валька. – Мало того, что променяла нашу встречу на свидание, так еще и не потрудились места другого найти.

– Валь, ты чего? Я ничего не променивала. Это, кстати, Виталик, я вам про него рассказывала, – лепетала смущенно Вера. – Только как вы узнали, что мы здесь сегодня будем?

– Привет, девч... – попытался поздороваться парень.

– Вера, хорош прикидываться, что ты дурочку тут включаешь, – выпалила раздраженно Валька.

– Подожди, – вмешалась Оля. – Она, по-моему, забыла обо всем.

– О чем забыла? – Вера действительно хотела разобраться, чего это подруги делают сегодня на катакомбах и почему ко всему прочему злятся на нее.

– Верка, ты что, правда забыла про наш тур на катакомбы? – спросила с обидой Валя.

– Вы что, конечно же, нет! Я все помню, мы столько дней готовились! Я специально Виталика сюда позвала, чтобы все осмотреть, чтобы, если бы вам в следующую субботу стало страшно, я бы вас подбодрила: мол, не дрейфить, я тут уже все знаю.

– Она еще и сама его сюда притащила! Офигеть! – шипела Вика.

– Какую следующую субботу, Вер? Мы сегодня должны были сюда прийти, только мы вчетвером. Зачем ты его привела? – огорченно протянула Оля.

– Как сегодня?! – ужаснулась Вера. Она поняла, что спорить бесполезно, и в этой ситуации виновата сама: раз все подруги помнили, что тур сегодня, значит, о нем забыла именно она. – Блин, вот косяк.

– Вот-вот! Мы тоже так подумали, когда пришли к тебе, а твои родители сказали, что ты куда-то одна без нас ушла, – сообщила Валя.

– Девочки, простите, простите, пожалуйста, – Вера, казалось, уже забыла про своего парня, подбежала к подругам и стала извиняться. – Блин. Блин! Как я могла так перепутать?

– Потому что головой надо было думать, а не другими местами, – все никак не унималась Вика. – Коза ты, Верка!

– Эй, слышь, малая! Ты полегче давай, следи за словами! – вступился за девушку Виталик. – Вера, хватит уже с ними трепаться, пошли, погуляем лучше.

– Рот свой закрой, урод! – ругалась Вика.

Она так зло глянула на парня, что тот поначалу опешил. Но быстро пришел в себя: подойдя к Вере, он взял ее за руку и потянул в противоположную от подруг сторону, к лестницам, что вели вниз.

– Виталик, подожди, я щас не могу, – Вера высвободила руку и быстро отошла подальше от кавалера. Встав почти у края недостроенной комнаты, она умоляюще посмотрела на подруг.

– Да ты и с нами щас не сможешь! Вера, ты уже все испортила! – выпалила Валя.

– Девочки, ну простите!

– Вер, я чего-то не понял... Ты променяешь наше свидание на разборки с ними?

– Виталик! Прекрати! Давай потом встретимся и поговорим. Пожалуйста, уйди, – попросила Вера. Но ухажер все никак не унимался.

– Так, молодежь, давайте, двигайте отсюда, – говоря это, он обошел недоумевающих девчонок и вновь встал рядом с возлюбленной. – Вер, я сейчас все улажу, не беспокойся, – сказал он потихоньку, так, чтобы его могла услышать только она.

– Виталик, правда, не надо, – так же тихо ответила Вера.

– Че вы там шушукаетесь? Вера, ты учти – продинамишь нас сейчас, дружбе конец! – все так же зло крикнула Вика.

– Вика, перестань! – пыталась утихомирить разгоряченную подругу Валя. – Сейчас все решим. Мы попросим его уйти, а Вера останется с нами.

– И мы ей так это простим? Она же натурально нас кинула! Это свинство полное! Это... это... Ты, Вера, проститутка, вот ты кто! – в этот момент Виталик, который до этого нежно держал Веру за руку, отпустил ее и сделал шаг в сторону орущей Вики. – А ты отвали, гад! Стой где стоишь!

– Замолкни ты, истеричка! – нервы парня не выдержали, и он тоже начал орать.

Вика, покрасневшая от гнева, подлетела вплотную к Виталику и толкнула его в грудь обеими руками.

– Ну давай! Давай! Только оскорблять можешь?

– Вика! Прекрати сейчас же! – Вера не на шутку перепугалась.

Валя пришла ей на помощь и тоже стала уговаривать Вику успокоиться.

– Вика! – крикнула она. – Угомонись! Оставь его в покое!

Но Вика уже не могла остановиться. Продолжая оскорблять Виталика, она все толкала его, а он отходил назад, смущенный и, казалось, не понимающий, что делать. Он ведь не мог дать сдачи девчонке, даже если она первая начала.

Подруги даже не успели подбежать и помочь бедному парню, как все уже случилось: в порыве ярости Вика даже не заметила, как подтолкнула Виталика к краю. От ее очередного удара в грудь он по инерции отступил назад, но там уже ничего не было. Пролетев четыре этажа, парень упал прямо на арматуру, торчащую из пола в том месте, что должно было стать шахтой лифта.

На несколько секунд повисла гробовая тишина: как будто все разом вдохнули и теперь не могут выдохнуть.

– А-а! – полный ужаса крик Веры привел девчонок в чувство. – Виталик! Виталик! Я сейчас... подожди... я... Я сейчас приду.

Вера свесила одну ногу с края пола так, как будто собиралась отправиться к Виталику с четвертого этажа.

– Помогите! – она протянула руки. – Подержите, я спрыгну.

Увидев, что у Веры истерика, Валя подбежала к ней и, схватив за руки, рывком усадила на пол. Опустившись на колени, она вlepила Вере пощечину. Это помогло. Оля растерянно смотрела на подруг, не понимая, что делать: Валя успокаивала Веру, а Вика, поняв, что натворила, рухнула там же, где стояла, и сейчас истерично рыдала.

– Я не хотела, не хотела... Мамочка. Девочки, я не хотела... я не знаю... не знаю, как это вышло. – Вика теперь могла только шептать. От ее недавнего гнева не осталось и следа. Вмиг став беззащитной тринадцатилетней девчонкой, она смотрела на Веру и Валю так, как будто они могли объяснить ей, как это произошло. – Девочки, как же это вышло? Что же теперь со мной будет?

– Ты! – услышав Викины слова, Вера перестала плакать и молнией кинулась к ней. – Ты! Дура! Убийца! – Вера кричала так, что ее было слышно во всем здании.

Схватив Вику за плечи, она начала трясти ее что было сил, а та даже не сопротивлялась. Через несколько минут Вера выбилась из сил или поняла, что убивать Вику нет смысла. Она

села рядом с плачущей Викой, слезы текли по щекам, но Вера не издала не звука, пока не увидела, как Валя и Оля стоят на краю и рассматривают умершего.

– Валя, Оля! отошли оттуда! – приказала Вера.

Воспользовавшись потасовкой, Валька взяла Лялю за руку, и они подошли к краю, посмотреть, что же там внизу. Валя была всего на год старше Оли. Они считались самыми маленькими в компании и иногда обе старшие подруги относились к ним соответственно: могли сказать, чтоб те закрыли уши, или вовсе не разрешали участвовать в каких-нибудь разговорах, другой раз не давали смотреть телевизор, если там показывали пикантные сцены. Сейчас же некому было проследить, чтобы Валя с Лялей не увидели труп. Виталик лежал внизу как будто спал: руки подняты вверх к голове, одна нога прямая, вторая согнута, только глаза открыты. Он не двигался и не издавал звуков.

Оля впервые увидела мертвого человека. Тогда она просто сильно испугалась, вся внутренне сжалась, но не проронила ни звука. Они стояли с Валькой вдвоем и смотрели на тело. После громкого окрика Веры, девочки отошли от края. Старшая подруга, казалось, отошла от шока, теперь лицо ее было сосредоточенным и слезы больше не текли.

Вика же все никак не могла прийти в себя. Перестав рыдать, она уставилась в одну точку и только тихо повторяла: «Мамочка, мамочка моя...» Подруги знали, что Вика сейчас действительно может думать только о своей матери, которая одна воспитывала дочь и души в ней не чаяла. Вика росла без отца, никогда его не видела и кроме мамы у нее никого больше не было. Поэтому она старалась ее поменьше огорчать, делала все, чтобы помочь ей, даже пыталась работать: развешивала рекламные объявления. Вика любила маму и знала, что является смыслом ее существования. Мать не переживет, если дочь посадят в тюрьму.

– Нам, наверное, нужно кого-то позвать, – произнесла Оля первое, что пришло ей в голову.

После этих слов Вика перестала рыдать и растерянно посмотрела на Лялю, затем на сидящую рядом Веру.

Вера тоже понимала, какие мысли сейчас занимают подругу. А еще она поняла, что им ни в коем случае нельзя рассказывать кому-либо о случившемся. В голове у Веры уже созрел план: успокоить девочек, договориться молчать о том, что были на катакомбах, придумать всем вместе, как выкрутиться из этой беды, и жить дальше.

– С ума сошла! – заорала Вера, а потом, смягчившись, добавила: – Лялочка, пойми, если мы позовем кого-то, взрослых, например, они приведут милицию, Вику посадят в тюрьму, а ее мама может умереть от горя, – тихо пыталась втолковать Оле подруга.

Вика, услышав Верины слова, казалось, пришла наконец-то в себя. Подскочив с пола, она подбежала к Оле.

– Ляля, миленькая... Девочки, – она обвела подруг быстрым испуганным взглядом. – Не отдавайте меня им, не рассказывайте! Мне нельзя в тюрьму, совсем нельзя.

Вытерев слезы, Вика стояла посреди комнаты и все смотрела по очереди на каждую из подруг. Потом ее глаза остановились на Вере.

– Вера, Верочка, – Вика упала на колени и поползла в Верину сторону. – Вера, прости... Прости, я же не хотела...

Уткнувшись лицом Вере в живот, Вика снова заплакала, повторяя: – Я не хотела, прости... прости...

– Девочки, а вдруг нас накажут, – вспоминая тот день, Оля каждый раз удивлялась, какой настырной она была тогда.

– Ляля! Я не хочу, чтобы Вику забрали от нас, – посмотрела укоризненно на подругу Валя.

– Но ведь это не специально, Вика же не хотела, получается, она не виновата, – не унилась Оля. – А если родители узнают и наругают нас, что мы им ничего не сказали?

– Олечка, – Вера подошла к подруге и обняла ее. – Оля, ты права, это не специально, это несчастный случай, но, если взрослые узнают об этом, Вику от нас заберут и мы ее больше никогда не увидим. Никогда-никогда, понимаешь? – сказав это, Вера отстранилась от Оли и посмотрела на нее сверху вниз.

– Нам никому-никому нельзя об этом рассказывать, ладно? – добавила старшая из подруг.

– Ладно, – смиренно согласилась Оля, поняв, что кроме нее никто не хочет объяснять взрослым, что тут произошло.

– Вот и умничка, Ляля, – подхватила Вика. – Все будет хорошо, просто нам надо договориться все сохранить в тайне. Это будет наш секрет. Наш общий секрет.

И они договорились. Не стали никому рассказывать о случившемся. Для родителей они придумали историю, что с утра до вечера были у Веры (в тот день она осталась дома одна). А как так случилось, что Виталика не хватились ни в семье, ни в школе, девочки и сами не поняли. Но к ним никто не приходил и не спрашивал, как в фильмах, что они делали такого-то числа в субботу днем. Вера как-то обмолвилась, что Виталик жил с бабушкой и что она не очень-то заботилась о внуке. Может, когда он исчез, та даже не стала его искать? В любом случае примерно через год все четверо стали забывать о трагедии и постепенно перестали вздрагивать, когда в дверь стучали или звонили или когда милиционеры на улице бросали на них случайные взгляды. А еще через год Вера окончила школу и поступила в университет. Каждые выходные она делилась с подругами впечатлениями от взрослой жизни: какая на вкус «Маргарита», на каких парах удастся поспать после клуба, что такое секс и зачем нужны презервативы. Конечно же, Вера училась хорошо и занятия практически не пропускала, но подругам это было неинтересно.

Еще через два года школу окончила Вика, которая тоже успешно сдала вступительные экзамены в институт и стала учиться на юриста. В общем, жизнь шла своим чередом и, казалось, что никакого Виталика вовсе не было. Но в тот вечер, когда подруги праздновали Викино поступление, Оля впервые увидела ЭТО. Алкоголь, который ради хохмы подмешали ей в сок, сыграл злую шутку. Хватило даже немного вина, чтобы задурманенное сознание показало Оле Виталика: в тот первый раз он лежал в ванне – конечно же, мертвый и с арматурой, торчащей из груди.

Первое время Оля никому ничего не рассказывала. Но когда видения стали преследовать ее, она пожаловалась подругам. Те всерьез перепугались, сказали, что помогут, только чтобы Оля ни с кем посторонним не делилась. Потом Вера обратилась к какой-то знакомой, которая училась в том же вузе, но на факультете психологии. Подруги научили Олю, как описать все психологу, при этом не сказав правды: Оля должна была все представить как сон, как будто ей постоянно снится один и тот же кошмар, который иногда мерещится наяву. Так она и сделала. Последующие годы видения преследовали ее изредка, но всегда выручали походы к психологу: это была все та же Верина знакомая, которая брала с Оли символическую плату. Если Оле удавалось рассказать о том случае кому-то, пусть и преподнося как сон, всегда становилось легче.

В выпускной год и первый год в универе видений совсем не было, помогала бешеная занятость. Но потом, спустя несколько лет после трагедии, начались потери.

Первой ушла мама Вики – сердечный приступ. Затем Верин брат – ДТП. За последующие три года у Вали умерли все – родители и бабушка. Последними стали Олины мама с папой – крупная авария с участием автобуса. Никто из девочек не связывал эти смерти с трагедией из детства. Но Оля знала, что близкие гибнут именно поэтому: это была расплата за то, что они сделали с Виталиком. Оля была в этом уверена, потому что он являлся ей каждый раз перед тем, как кто-то уходил из жизни.

За день до того, как погибли Олины родители, она увидела Виталика на автобусной остановке: он сидел на лавочке с открытыми глазами и с торчащей из груди арматурой. Зажмурившись и посчитав до десяти, она снова посмотрела на остановку – никого. Вернулась домой Оля в тот день поздно, потому как предчувствие беды заставило ее долго слоняться по парку в поисках решения: созывать подруг на очередной совет или нет. Она давно собиралась поделиться своей теорией, что смерти не случайны, что так они расплачиваются за гибель Виталика и свое молчание после. Она хотела предложить наконец-то все рассказать полиции, чтобы избежать дальнейших жертв, но боялась, что они не станут ее слушать, а только опять отправят к психологу. Поэтому в тот день она просто в очередной раз побродила в раздумьях. А придя домой, снова увидела его, второй раз за день, чего раньше никогда не было. Виталик лежал на ее кровати: с открытыми глазами и с арматурой в груди. Прогнать видение удалось привычным способом, Ольга наглоталась таблеток и легла спать. А на следующий день ей сообщили о смерти родителей.

Свою теорию Оля рассказала подругам в день похорон мамы и папы. Само собой, девочки посчитали Олины слова бредом, пообещали помочь деньгами, прислать психолога (опять) и предложили взять отпуск, съездить куда-нибудь, отдохнуть и успокоиться. Она так и сделала, потому как не видела другого выхода, да и против подруг идти не хотела.

В последующие два года, к счастью, никто не умер. И жизнь вроде бы наладилась. Если, конечно, это можно было назвать жизнью. Никто из девочек не болел, не бедствовал, не сидел в тюрьме, но и личного счастья никому из них не удалось построить. То будущее, которое им с детства пророчили друзья и знакомые, не сбывалось. Они ни разу не гуляли на свадьбе друг у друга. Блестящей карьеры тоже никто не построил. Детей бог тоже никому не дал.

В общем, так они и жили: по-прежнему вместе, часто встречались, несмотря на годы и невзгоды, помогали друг другу во всем, но каждая из четырех теперь уже женщин была, по сути, несчастна. Вера испытывала это «женское несчастье» сильнее остальных: ей было уже за тридцать и с каждым годом шансы найти мужа и завести ребенка уменьшались. И, может быть, в наше время это не такая уж проблема – одинокая женщина, но все дело было в том, что каждая из них хотела семью, мечтала об этом гребаном простом женском счастье. Даже Вика, которая, как иногда казалось подругам, вообще ни о чем не помышляла, кроме как тупо шляться по клубам, пропивать зарплату и снимать парней, даже она последние полтора года поддерживала их «скучные» разговоры о том, где бы найти стоящего мужчину или хотя бы накопить денег на ЭКО.

Оля же в свои 26 лет потерпела пять неудач с парнями, каждый из которых виделся «тем самым», но в итоге оказывался совсем другим. За три года, что Оля пыталась забеременеть от разных мужчин, у нее случилось два выкидыша. В конце концов она прекратила попытки построить нормальные отношения или завести ребенка и просто доверилась судьбе.

Пока все эти воспоминания проносились экспрессом в Олиной голове, прошло больше часа и девушка даже не заметила, как выпила половину того, чтобы было в бутылке. Окинув взглядом лоджию, она обреченно вздохнула и в который раз с завистью подумала о Марине. Именно в ее квартире проснулись сегодня подруги.

Марина появилась в их жизни три года назад. Вера познакомилась с ней в реабилитационном центре для инвалидов, где работала, и привела новенькую в компанию. Поначалу все настороженно относились к ней: редко куда приглашали, если собирались вчетвером; часто отказывались прийти в гости; иногда могли не отвечать на звонки. Но Вера настояла на том, чтобы принять в их команду нового члена. Как-то на очередной встрече всех подруг, она рассказала, что Марина очень добрая и порядочная, что она, наверное, самый нормальный человек, которого Вера встречала за последние годы. После Вериних слов трудно было относиться негативно к Марине, и постепенно она вписалась в компанию.

С каждой новой встречей девочки понимали, что Вера оказалась права: Марина была поразительным человеком. Невероятно отзывчивая, совершенно не злая, готовая прийти на помощь в любое время и в любом месте. Как-то у Вали машина сломалась по пути из другого города, так Марина приехала за ней, привезла за собой эвакуатор, заплатила сама за все, а потом Валя ее еще несколько месяцев уговаривала забрать деньги. К слову, Марина была богатой, успешной и красивой. Но подруг она пленила не этим, а тем, что просто светила счастьем. Тем счастьем, которого так не хватало каждой из них. У нее всегда все было хорошо: обеспеченные родители, сплошные пятерки в школе, учеба в заграничном университете, свой бизнес, позволяющей ей к тому же работать в реабилитационном центре волонтером, и красавец жених. И при всем при этом Марина никогда не выпячивала своего счастья, не хвалилась ни деньгами, ни красотой, ни женихом. Она просто была рада всему, что ее окружало, или одному тому факту, что жила на этом свете. И это ее счастье – простое, наивное, детское – было видно всем окружающим. От Марины хотелось заряжаться им, как от батарейки электричеством.

В конечном счете Марина стала подругой для каждой из четырех девчонок. Она не стала их пятой, не была близкой, как сестра, но она стала своей. А когда Марине года полтора назад сделали предложение и она начала готовиться, подруги словно ожили вместе с ней. У них наконец-то появилась возможность погулять на свадьбе. Марина сразу попросила всех четверых быть подружками невесты, и начались приятные хлопоты. Они вместе выбирали платье, искали место, думали над декором, а покупка нарядов для подружек невесты и организация девичника – это вообще одни из самых счастливых моментов.

Подруги никогда не завидовали Марине, просто делать это было бы очень глупо. По крайней мере, вслух никто не говорил о ней плохого, например, что она выскочка, не заслужила всего этого и так далее. Разве что Вика, которая всегда находила к чему придраться и как обидеть. Но если она и говорила что-то нелицеприятное о Марине, то только за ее спиной, в лицо – не хватало духу.

И хотя все знали, что глупо завидовать Маринке и желать оказаться на ее месте, иногда Оля позволяла себе такое. Больше всего ее давила жаба, что у Марины есть жених, да еще какой! Эту квартиру, например, после свадьбы он собирался переписать на супругу, которая последние пару лет и так здесь жила.

Квартира была чудесной: в ней было больше десяти комнат, если считать две небольшие гардеробные, и она занимала весь этаж. Маринин жених Максим тоже был богат. А что удивляться, деньги к деньгам, как говорится. Чего только тут не было: бар, игровая комната, огромная ванная и еще одна поменьше, несколько спален, несколько балконов и лоджий. Оля бывала здесь не единожды, но до сих пор не переставала удивляться.

«Как же Маринке повезло... Глупо. Господи, глупо, конечно, так думать... Но все же ей очень повезло... Хотя, может, это просто Максим такой? И где она такого нашла? Наверное, он дурак. Ну какой умный влюбится в Маринку? Господи, прости за такие мысли. И все равно... Он еще и девичник разрешил ей здесь устроить. Неужели он, правда, так ее любит?» – думала Оля, допивая последний бокал. Опустошив обе бутылки – и колу, и мартини, она встала со стула и пошла к холодильнику с алкоголем. Мартини там не оказалось. Тогда она достала бутылку белого вина и вернулась на место.

«Девичник, конечно, удался», – с иронией подумала Оля. «Еще и девочки со своим дебильным розыгрышем... Дуры! Блин, а где Марина-то? Сидим тут, как у себя дома, деловые такие», – размышляя над тем, где же Марина, Оля попутно искала, чем бы открыть вино. Возле холодильников был ящик с барными принадлежностями вроде шейкера, специальных ложек, щипцов для льда. Нашелся там и штопор. Откупорив бутылку, Оля налила немного вина и пригубила. На вкус оно оказалось приятным, немного сладковатым и слегка терпким, даже вкуснее, чем мартини с колой. Оля была уверена: Марина не разозлится, что она тут

похозяйничала, но не стала злоупотреблять гостеприимством. Заполнив бокал наполовину, она поставила бутылку на место. Решила, что этого как раз хватит, чтобы прийти в себя, а потом соберется и, наконец, пойти домой.

Тут из глубины квартиры донесся жуткий женский крик. Первым желанием Ольги было сорваться и побежать, но, вспомнив про живую «мертвую» Вальку, поняла, что подружки никак не угомонятся и, наверное, решили продолжить веселье. Она слышала, как девчонки топчут по коридору, зовут Марину и ее, Олю. Она не стала отзываться, а сидела, ухмыляясь, попивая вино.

Так ее и застала Валя, которая, ворвавшись в гостевую спальню и, увидев, что дверь на балкон открыта, пошла туда.

– Оль, там труп, – испуганно сказала подруга. Оля даже не повернула головы.

– Ага.

– Оля, Оль, я не вру, там, в комнате, какой-то мужчина, и он... Он мертвый, кажется.

– Ну и что?

– Надо всем собраться и решить, что делать. Только мы Марину нигде найти не можем, – лепетала рыжая.

– Ну, можете ей даже не звонить, трубку она не берет.

– Откуда ты знаешь?

– Ее телефон все утро, точнее вечер, звенел, и никто не ответил, – Оля по-прежнему сидела, уставившись в закрытое окно.

– А что же нам делать, это ведь ее квартира, как нам вызвать полицию без Марины?

– Ха-ха, полицию даже?

Валя подошла и, положив руку Оле на плечо, развернула ее к себе. Посмотрев на подругу, Оля подумала, что, может, она и не врет, но не стала говорить этого вслух.

– Оля, я правду говорю: в комнате, ну та, что с подиумом, так вот – там мертвый мужчина сидит.

– Прямо сидит?

– Ну да.

– Валь, это бред какой-то. Давайте вы кого-нибудь другого разыграете, а? Я хочу спокойно посидеть, – разозлилась Оля. Если там и был труп, то она в этом совсем не хотела разбираться.

– Оль, пожалуйста, давай туда пойдем, там щас все девочки, надо что-то сделать.

– Ладно, – сказала Оля. – Откуда здесь вообще мужику-то взяться?

Они прошли по длинному коридору, мимо кухни в другой конец квартиры: там находились все второстепенные комнаты, вроде игровой, гостиной, второй ванной и красивой комнаты с эркером, предназначенной для отдыха, – здесь была стереосистема, огромный телевизор, большой диван и тахта, и даже подиум с шестом. У входа в комнату уже стояла бледная Вика. Длинные черные волосы она успела убрать в хвост.

– Второй мертвяк за один вечер? Девочки, вы переплонули сами себя, – съязвила Оля.

– Ляль, это не мы, честно, – сказала Вика очень серьезно.

Оля перевела недоверчивый взгляд на рыжую, но та тоже не хотела колотиться.

– А чего он, правда, сидит, если он мертвый? – все еще с недоверием спросила Оля.

– Сама посмотри, – донесся из комнаты Верин голос. – Может, ты знаешь, кто это?

– Что за бред! Вы вообще уже съехали с катушек! – с этими словами Оля вошла в комнату в полной уверенности, что подружки опять разыгрывают ее и никакого трупа там нет. Но он был. Полуголый мужчина без признаков жизни сидел на подиуме со связанными за шестом руками, голова безвольно повисла, а на груди следы крови. Увидев его, Оля пулей выскочила в коридор. Прижавшись спиной к стене, она часто задышала, готовая заплакать от испуга, но ей на помощь пришли подружки. Вика взяла ее лицо в свои ладони и сказала:

– Успокойся, только не плачь. Мы все не имеем к этому никакого отношения, и никто из нас не знает, кто это.

– Оля, это так, – сказала вышедшая из комнаты Вера. – Когда мы с Викой туда вошли, он уже так и сидел. Нам теперь надо найти Марину и вызвать полицию.

– Марины нет, наверное, – сказала тихо Оля, которая уже начала приходить в себя.

– А где она? – спросила Вера.

– Не знаю... Только ее телефон весь вечер звонил, ну еще до того, как вы проснулись, и никто трубку не брал. Я... я не знаю, может, она еще спит, конечно... – лепетала Оля.

– Да вряд ли. От такого шума она точно бы проснулась, – заметила Валя.

– Стойте, ее точно нет: у нее же сегодня вечером пробы макияжа и прически на свадьбу, – вспомнила Вера.

– И что нам теперь делать? – поинтересовалась Оля.

– Хорошо. Давайте зайдём в комнату и там все обсудим, – предложила Вера.

– Нет. Не при нём же! Я не хочу на мертвецов смотреть, – возразила Оля.

– Может, в большую спальню пойдём? – спросила Вера.

Все согласились. Когда подруги разместились в большой спальне, там опять стало тихо, как на кладбище. Никто не знал, что сказать и тем более что можно сделать в такой ситуации.

– Может, нам просто уйти? – вслух подумала Вика.

– Ага. Придет Марина, найдет этого мертвеца и начнет нас обзванивать. Придется так и так ей все объяснять. Лучше ее подождать, я считаю. Она-то оставила нас в своей квартире, не подозревая, что после нас тут труп появится, – привела аргументы Валя.

– Но он не после нас появился, а вместе с нами, – уточнила Вера.

– Я вообще ничего не понимаю, – вмешалась Оля. – Кто изначально был в той комнате и чего вы там делали? Мы же начали гулять в гостиной за столом.

– Точно, тебе же плохо стало еще до того, как стриптиз начался, – вспомнила Вика. – Когда мы тебя отвели спать, собрались в той комнате с подиумом и все гудели до утра. Ну как все: сначала Валя пошла в туалет и уснула в ванной, потом Марина спать ушла, сказала только, чтобы мы развлекались дальше. Когда Валя ушла, стриптизер (он, кстати, тоже с нами выпивал), сказал, что она ему понравилась и без нее не хочет больше танцевать. Мы ему сказали, чтобы он тогда валил. Ну, он и ушел вроде. Под утро Вера... или я... в общем, утром мы Вальку измазали кетчупом, разведенным с водой, чтобы ты, если первая проснешься, а мы в этом не сомневались, подумала, что она мертвая. И после этого спать легли.

– Так получается, что до самого утра в той комнате никого не было? – пыталась разобраться Оля.

– Ну да, – ответила Валя.

– И что, в квартиру никто не входил и не выходил, кроме Марины? – не унималась Оля. Девочки только покачали головами в ответ.

– Оля, ты чего? Что-то случилось? Ты что-то знаешь? – спросила Вера.

– Да, просто...

– Ну что?

– Просто мне кажется, что это кто-то из наших знакомых.

– С чего ты взяла?

– У меня опять видение было, – вздохнула Оля.

– О, Бо-о-о-же, – протянула Вика. – Сколько можно! Бред это все.

– Подожди, – перебила ее Вера. – Оля, ты опять видела... его?

– Да.

– Когда?

– Сегодня, когда на балконе похмелялась. Я же вам говорила, что он всегда мне мерещился перед тем, как кто-то из наших близких умер.

– Оля, это просто комплекс вины. Твои видения никак не связаны со смертью наших родных, помнишь? Тебе Таня это все время говорила на сеансах, – напомнила Вера.

– Короче, давайте не будем опять на эту тему спорить, – зло бросила Оля. – Лучше все-таки выяснить, кто это такой, может, тогда станет ясно, откуда он здесь взялся.

– Есть соображения? – спросила у всех присутствующих Вера.

– Без понятия вообще, – ответила Вика.

– Не-а, – помотала головой Валя.

– Давайте попробуем методом исключения. Ну, во-первых, к нам никто не приходил. Из мужчин в этой квартире со вчерашнего дня был только стриптизер. Он ушел. Он же ушел? – обратилась Вера к Вике.

– А я-то тут при чем?

– Ты же его пошла провожать?

– Я?!

– Да! Ты!

– Вообще не помню такого.

– Когда он сказал, что без Вальки больше не будет танцевать, ты сказала, чтоб он тогда валил. Он вышел из комнаты, а ты за ним.

– Да я в туалет ходила, я понятия не имею, ушел он или нет!

Подруги стали изумленно переглядываться.

– То есть получается, что стриптизера никто не проводил и он мог всю ночь провести здесь и... и, может, он там мертвый сидит? – резюмировала Вера.

– Ну, другого варианта, кто это может быть, у меня нет, – сказала Валя.

– А вы что, как увидели его, сразу не смогли определить – стриптизер это или нет? – спросила Оля.

Подруги не ответили.

– Вы что, не помните, как он выглядел?

– Блин, Ляль, ну мы пьяные были. Лично я помню очень смутно, как он выглядел, особенно на лицо. Я на другие места смотрела, – усмехнулась Вика.

– Да, и он как бы в трусах одних танцевал, а этот мужик в штанах сидит, – добавила Валя.

– Так пойдите и рассмотрите хорошенько – стриптизер это мертвый или нет, – предложила укоризненно Оля.

– Ага, щас. Я в ту комнату не пойду. Фигушки, – сказала боязливо рыжая.

Какое-то время все девчонки лихорадочно соображали, как же выяснить, стриптизер это или нет, не заходя в комнату.

– Придумала! – первой сообразила Вера. – Вик, ты же нанимала стриптизера? У тебя наверняка остался его номер в телефоне.

Вика кивнула головой.

– Позвони ему. И если телефон зазвонит в той комнате, значит, это точно стриптизер и телефон где-нибудь у него в штанах.

– Точно. Сейчас, минутку, – с этими словами Вика вышла в коридор и через несколько секунд вернулась с телефоном. Набрав номер, она стала ждать, и все девчонки притихли, чтобы услышать, откуда донесется звонок. Когда раздалась телефонная трель, подруги вышли в коридор, готовые пойти к комнате с подиумом. Но звук шел с противоположной стороны – из комнаты, которая находилась рядом с дальней спальней, где ночевала Оля.

– Что за...

Вика не успела договорить, так как дверь резко открылась и из нее с телефоном в руках вышел мужчина. Девчонки вскрикнули от неожиданности.

– Ты че мне звонишь? – обратился мужчина к Вике. Было видно, что он только что проснулся. Он был в халате, таком, какие Марина хранит в каждой спальне для гостей.

– Ты кто? – испугалась Вика.

Мужчина обвел всех подруг взглядом, а потом ответил:

– Я Чак.

– Какой еще Чак? – не поняла Вера.

– Обычный Чак.

– Как Чак Норрис? – спросила Валя.

– Нет. Как Чакраборти.

– Какой Чакраборти? – это уже был вопрос от Оли.

– Митхун Чакраборти.

– Ты че, бухой? – удивилась Вика.

– Ну да.

– Да ты кто? – пыталась добиться ответа Вера.

– Да стриптизер я. Вы че, ничего не помните?

– Так ты живой? – выдохнула Валя.

Увидев ее, Чак заулыбался, а потом добавил, обращаясь ко всем:

– Ну, это спорный вопрос. Я так вчера нахерачился, что сейчас больше мертвый, чем живой.

– Так, понятно. Это стриптизер, и он живой, – обратилась Вика к подругам. – А кто тогда там?

– Час от часу не легче, – вздохнула Оля. Она посмотрела на стриптизера: он был высокий, с темной от загара кожей, черными волосами до плеч и красивыми глазами, такие бывают у метисов.

– Пошли обратно в спальню. А вы, мужчина, заберите вещи и уходите, пожалуйста, – сказала Вера, обращаясь к Чаку.

– Заберите, уходите, – передразнил он ее. – Ниче, что ты вчера у меня на коленках прыгала, как заведенная?

Вера зарделась стыдливым румянцем, но быстро взяла себя в руки.

– Это было вчера. А сегодня у нас проблемы, и мы не хотим вас в них посвящать. И вообще, вы не должны были тут ночевать.

– Вот тут ты права. Сори, за хлопоты. Блин, девчонки, серьезно, простите. Я просто лишнего перебрал вчера, а потом пошел искать ее, – тут он показал на Вальку, которая в этот момент покраснела от смущения и заулыбалась как школьница. – Ну вот, ее я не нашел, а нашел виски и эту комнату, в которой никого не было. Тут и заснул. Вы только в фирму не звоните, я уже ухожу, – протараторил стриптизер.

Потом он протиснулся между стоящими в коридоре подругами и направился в сторону комнаты с подиумом.

– Куда?!! – вскрикнули они хором.

Чак вздрогнул и обернулся.

– У меня костюм там, в комнате, где мы тусили, – пояснил он. – Надо забрать.

– Нет. Ты это... постой здесь, мы принесем, – Вера схватила Чака за руку.

– Вера, подожди-ка, – остановила ее Вика. – А ты никакого мужчину тут ночью не видел? – спросила она стриптизера.

– Вик, ты чего, – прошептала Вера.

– Девочки, а вдруг это он? – сказала Вика.

– Чего я? – спросил Чак.

– Тут, понимаешь ли, труп.

– Чего? – усмехнулся недоверчиво он.

– Ну да. Там в комнате мертвый мужчина, – указала Вика в сторону дальнего конца квартиры.

– Да не гони.

– Иди сам посмотри.

Чак быстро направился в комнату отдыха. Его не было буквально минуту, затем он вышел, бледный, держа какую-то одежду в руках. Подойдя к девчонкам, он сбросил халат и начал быстро переодеваться:

– Значит, так, я вообще не в курсе, что у вас тут происходит. Со своими мертвыми мужиками разбирайтесь сами. Я пришел, станцевал, уснул, проснулся и ушел. С вами не разговаривал, никаких трупов не видел. Поняли меня? – угрожающе сказал он. Стриптизер вмиг отрезвел и сейчас был очень зол.

– Если скажете ментам, что-то другое, я буду все отрицать и скажу, что это вы во всем виноваты.

– Но мы тут ни при чем! – сказала Валя.

– Милашка, ты мне, конечно, понравилась, но рисковать карьерой и садиться в тюрьму из-за тебя я не собираюсь, – одевшись, Чак подскочил к Вале и поцеловал ее прямо в губы.

– Вот истеричка мужская, – презрительно фыркнула Вика.

– Иди в жопу! – ответил ей стриптизер, оторвавшись от Валиных губ. – Все, бабоньки, пока, – бросил тот на прощанье из дверей...

– Нормально, нет? – удивленно протянула Вера.

– Да, мужики нынче пошли, мрак, – грустно сказала Вика.

– А вдруг это он убил? – спросила Оля.

– Посмотри на него: он же только о себе и думает, да еще и трус какой-то. Кого он там убить может? Ну его. Противно, – поморщилась Вика.

– Девочки, все-таки надо выяснить, кто этот мертвец, – все опять посмотрели на Олю.

– Оля, если тебе так надо, ты и посмотри сходи, может, что новое увидишь, – спокойно предложила Вера.

Подруги пошли обратно в большую спальню, а Оля осталась стоять в коридоре. Затем она медленно пошла в сторону комнаты отдыха. Ей надо было убедиться, что она не знает этого мертвеца. Она постояла перед дверью с минуту, собирая волю в кулак, а потом вошла. Мертвый мужчина был там же, где его последний раз видели подруги. Оля села на диван и стала разглядывать. Он был высокий, отлично сложен, накачан, загорелый, волосы такие же черные, как у Чака, только чуть короче: понятно, почему девчонки сразу не поняли, стриптизер это или нет, ведь они были похожи, если не всматриваться в черты лица внимательно.

Мужчина был в одних джинсах, без рубашки и без обуви. Оля встала и обошла подиум с другой стороны в поисках одежды убитого. Ведь ясно было, что его убили – посреди груди красовалось отверстие то ли от пули, то ли от чего-то еще, и уже засохла маленькая струйка крови. Обойдя подиум по кругу и не найдя никакой мужской одежды, Оля снова встала в центре комнаты. Голова мужчины безжизненно повисла, касаясь подбородком груди. Девушка села на корточки, пытаясь рассмотреть его лицо, но с этого ракурса не было понятно, знаком он ей или нет. Затем Оля обратила внимание на какое-то пятно у него на шее, слева. Она наклонилась, чтобы разглядеть и тут же все поняла.

– А-а-а!

В который раз за этот вечер Оля услышала ужасный крик. Она не поняла, чей он, пока Вера не начала ее хорошенько трясти за плечи:

– Оля, Оля! Что? Что случилось? Чего ты орешь?

– Нет, Господи, только не это... Бред, это все бред. Нет, Господи, пожалуйста, это бред. Это не по-настоящему, не по-настоящему, не по-настоящему, – Оля сидела на диване, обхватив голову руками, и качалась из стороны в сторону. У нее был такой несчастный вид, что Вера, обняла ее и принялась гладить по спине.

Через несколько минут уже все девчонки собрались в комнате. Оля к тому моменту просто тихонько плакала, все также качаясь из стороны в сторону.

– Вера, что случилось? – спросила Вика.

– Я сама не знаю. Она что-то бормотала сначала, а сейчас просто плачет, ничего не говорит.

– Оля, Олюшка, милая, что такое? – Валя опустилась на колени рядом с подругой. – Оля, что произошло?

– Это не по-настоящему, не по-настоящему... – снова начала бормотать Оля.

– Господи, Оля, да что с тобой? – перепугалась Валя.

– Вера, – тут Оля отстранилась от обнимающей ее Веры и посмотрела ей прямо в глаза.

– Что? – тихо спросила та.

– Вера, пятно... на шее у него...

Вера нахмурила брови, не понимая сначала, что Оля имеет в виду, затем до нее дошло... Медленно встав, она приблизилась к мертвому мужчине слева и увидела на его шее большое родимое пятно, круглое и напоминающее по форме знак «мир»...

– О Боже, – только и смогла тихо вымолвить Вера.

– Вера, что? – спросила Вика.

– Вер, кто это? – со страхом в голосе задала вопрос Валя.

– Виталик, – Вера, как будто испугавшись сказанного, зажала рот ладонью и посмотрела на Вику.

Девчонки, как по команде, уставились на труп, как будто увидели приведение, а затем Вера, Валя и Оля посмотрели на Вику.

– Да не может этого быть, – только и сказала та.

– Такого родимого пятна больше ни у кого нет. Он говорил, что это его отличительный знак, что его всегда видно. Это точно он, только старше лет на пятнадцать, – тыча пальцем в сторону мертвеца, убеждала подруг Вера.

Опять повисла тишина. Все четверо судорожно соображали, откуда здесь взялся Виталик, как он выжил пятнадцать лет назад и что теперь значит то, что он все эти годы был жив.

– О Господи! Боже мой! Так я ни в чем не виновата?! О Боже! – тут Вика подошла поближе к трупу и стала его разглядывать.

– Я его не убивала... Я не убивала. Я не убивала?! Вера, я его не убивала! – Вика, казалось, помешалась, она все повторяла, что она не убивала Виталика.

– Мне надо выпить, – в общий сумбур вмешалась Оля.

Она резко встала и пошла на кухню. Найдя в холодильнике водку, налила себе полстакана и залпом выпила. Потом налила еще полстакана, поставила бутылку на место и вернулась в комнату. Там она снова села на диван и просто слушала, что говорили подруги.

– Так, получается, мы не виноваты ни в чем? – не веря в происходящее, говорила Валя.

– Я вообще ничего не понимаю, – недоумевала Вера.

– А как же Олина теория тогда? Выходит, наши родные погибли, просто потому что погибли? И мы тут ни при чем, раз этот парень все эти годы был жив? – удивлялась Вика.

– Ну, кое в чем мы все же виноваты, – ответила Вера.

– В чем это? – спросила ее Вика.

– В том, что ничего никому не рассказали, а бросили его там.

– Вер, вообще, тогда ты нашла выход из положения и предложила всем уйти, ничего никому не сказав, – напомнила Валя.

– Я думала, он умер! Я пыталась спасти подругу! И нас всех заодно! – выкрикнула старшая.

Следующие полчаса подруги спорили о том, что нужно было сделать пятнадцать лет назад. Оля молча пила водку. Глупо было дискутировать о том, что невозможно исправить.

Они никогда не узнают, что бы было, спустись они тогда к Виталику. Может, если бы они вызвали скорую, врачи спасли бы его и они, девочки, знали бы, что он жив и здоров, и она, Оля, не винила бы себя все эти годы, и, может, родные были бы все живы. А может, и нет... Все эти «может» и «бы» – бессмысленные надежды. Размышляя над этим, Ольга ушла в себя и совсем не слышала подруг. Когда она вышла из раздумий, они уже обсуждали, как поступить дальше.

– Короче, хватит уже орать. Никто не виноват, и все мы виноваты в то же время, – спокойно сказала Вера. – Девочки, что будем делать сейчас?

– Вам надо уйти, – тихо сказала Оля.

– Ляль, мы уйдем, подожди немного, мы решим, что делать, и пойдем, – покровительственно сказала Вика.

– Нет, ты не поняла: уйти надо вам, а я останусь, – так же тихо пояснила Оля.

– Ляля, ты что, напилась? – удивилась Вера.

Оля и правда немного захмелела, а может, уже окончательно помешалась от всего этого. Казалось, что этот день никогда не закончится: какие-то полутрупы и трупы, неизвестные мужики, крики, ссоры и черт знает что еще. Оля даже не знала, который сейчас час. Она только хотела остаться ненадолго одна, подумать и, возможно, сделать то, что давно надо было сделать.

– Вам надо уйти, – повторила она.

– А ты? – спросила Вера.

– Я останусь, дождусь Марину, и мы вызовем полицию.

– Оля, но... как ты... Что ты скажешь Марине? И полиции?

– Вик, я скажу правду.

– Зачем?

– Давно надо было это сделать.

– Оля, нет, не надо. Давай просто уйдем, – попросила Валя.

– Девочки, что вы предлагаете сделать? Опять все скрыть? Уйти и оставить этот труп Марине? А когда нас все же вызовут на допрос, сказать, что ничего не знаем, и обвинить во всем Марину? Кто-кто, а она точно не заслужила всего этого, – Оля укоризненно посмотрела на подруг.

– Но если она ни в чем не виновата, то ей ничего не будет. Подумаешь, труп в ее квартире, но не она же его убила, – сказала Вера.

– А вот, кстати, откуда ты знаешь, что не она? – спросила Вика.

– Вика, побойся Бога! Марину оставьте в покое! В общем, я остаюсь, – твердо сказала Оля.

– Оля, так нельзя. Надо всем вместе... – Валя не успела договорить, потому что Оля начала кричать.

– Что всем вместе?! Всем вместе убивать? Всем вместе молчать?! Всем вместе ходить на похороны?! Или, может, всем вместе мучиться от того, что пятнадцать лет подряд мерещатся мертвые подростки?! Я устала! Я устала от чувства вины, устала от смертей, устала от такой жизни – ни мужа, ни ребенка, ни счастья, ничего! – Оля замолчала. Потом обвела подруг обреченным взглядом.

– Я люблю вас, но сейчас просто уйдите. Я расскажу все Марине, скажу, что это я скинула тогда Виталика случайно, а потом мы вызовем полицию и им я скажу то же самое. Если посадят в тюрьму, то я хоть вздохну с облегчением: после этого, надеюсь, я его больше не увижу, – тут она показала рукой на труп.

Подруги еще никогда не видели Олю в таком состоянии: расстроенную до слез, но непоколебимую. Они попытались еще какое-то время ее уговаривать, но в итоге молча собрали свои вещи и ушли, правда, совсем не уверенные в том, что Оля сдержит обещание взять вину на себя. Оставили ее одну, как она и хотела.

Посидев еще какое-то время в комнате вместе с трупом, разглядывая его, как старого знакомого, Оля допила водку. Когда стакан опустел, она встала, подошла поближе к Виталику и наклонилась, чтобы рассмотреть получше: отверстие, откуда вытекла когда-то кровавая струя, было прямо посередине, а чуть правее был рваный шрам, как раз в том месте, где в Олиных видениях из этой самой груди торчала арматура.

Девушка нервно втянула воздух, потом пошла на кухню и налила себе еще водки. Затем села в коридоре на пуф и стала ждать Марину. Она пока не знала, как ей все это доходчиво объяснить и так и не успела придумать, с чего начать рассказ. Уже через несколько минут открылась входная дверь и вошла Марина.

В который раз Оля подумала, что таких красивых на свете очень мало: высокая, стройная, с идеальными пропорциями, длинные черные волосы сейчас были уложены в аккуратную пышную косу, украшенную стразами, а правильное лицо с потрясающими синими глазами и пухлыми губами сияло безупречным макияжем.

– Привет, – улыбнулась Марина Оле. – Вы все еще похмеляетесь, крошки мои?

Оля не смогла не улыбнуться в ответ. Она хотела было по привычке подскочить к Марине и подать ей руку, но та предупредила ее действия.

– Сама, сама, – тут Марина оперлась двумя руками о стену и медленно и неуклюже сняла туфли, потом, хромая, подошла к большому стенному шкафу и достала домашние тапочки.

– Пойдем на кухню, расскажешь, как вы тут без меня день провели, – все так же улыбаясь, сказала Марина и пошла по коридору на кухню.

Провожая ее взглядом, Оля мысленно корила себя за то, как завидовала ее жениху и предстоящей свадьбе еще пару часов назад. Прикусив губу, она в который раз подумала о том, что завидовать Марине глупо. У нее было много из того, чего не было у Оли и ее подруг, но вот здоровье ее подвело. Еще в детстве. Родовая травма, которая обрекла ее на хромоту. Когда Марина сидит, незнакомые люди практически всегда бросают на нее восхищенные взгляды. Но стоит ей встать или сделать несколько шагов, как на нее уже начинают смотреть с жалостью. Марина нашла способ бороться с этим – она всегда улыбалась. Всегда. Причем делала это так искренне, что ни у кого не возникало сомнений в том, что она счастлива.

Оля зашла на кухню, подождала, пока Марина нальет себе и ей чай, а затем сказала:

– Марина, кое-что произошло, и мне тебе надо многое рассказать, присядь, пожалуйста.

Когда Марина села, Оля стала ей все рассказывать. Начала с детства, с того случая на катакомбах, и закончила сегодняшним днем. Постепенно Марина перестала улыбаться, лицо ее стало напряженным.

– Марин, в общем, сейчас Виталик в комнате отдыха и... он мертв, – закончила Оля.

– Что? – испугалась та. Затем она встала со стула и, как могла, дошла до комнаты отдыха, подруга плелась следом.

– Ой, мамочки! – выкрикнула она через пару минут, увидев труп. Оля схватила ее за руки и отвела обратно на кухню. Там она налила ей немного водки и заставила сделать несколько глотков. Когда Марина перестала дрожать, Оля продолжила.

– Марин, послушай меня: я тебе клянусь, что не знаю, как он оказался в твоей квартире и кто его убил. Честно. И, я думаю, ты тоже ничего об этом не знаешь? – увидев, как Марина, готовая заплакать, замотала головой, она продолжила:

– Но полицию вызвать надо. Я хочу им рассказать, что произошло пятнадцать лет назад. Я скажу, что тогда на катакомбах случайно столкнула Виталика вниз и, испугавшись, промолчала об этом. Только я не буду говорить полиции, что была не одна.

– Почему ты это делаешь? Почему ты мне рассказала о том, что вы были в тот день все вместе, а девочек от полиции защищаешь?

– Они моя семья. Я не могу их простить, поэтому я все рассказала тебе, но я могу и хочу их защитить, поэтому я ничего не скажу полиции. И тебя прошу о том же.

Марина только обняла Олю, ничего не сказав. Но и этого было достаточно, чтобы понять: она будет молчать. Оля оставила Марину на кухне, а сама пошла искать свой телефон. Он был в сумочке, которая висела на вешалке, но толку от него было ноль: батарея села.

«Надо позвонить с Мариного. Что же с ней теперь будет? Свадьбу, наверное, им придется отложить... А вдруг это она на самом деле убила его, пока мы спали? Бред. Бред! Пусть полицейские разбираются, откуда он тут взялся», – думала Оля.

– Марин, где твой телефон? – спросила она, войдя на кухню.

– Я... я... Кажется, я его где-то здесь оставила, когда уходила. Забыла взять с собой, – пролепетала Марина.

Оля вышла в коридор, размышляя, откуда начать поиски телефона, как вдруг из глубины хозяйской спальни донеслось:

«You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down
You spin my head right round, right round
When you go down, when you go down down».

«Да-да. Слышали уже сегодня», – идя на звук, Оля вспомнила, как этот же рингтон разбудил ее всего несколько часов назад. Тогда ее самой большой проблемой было сильнейшее похмелье и синяк на заднице и она вовсе не боялась провести остаток жизни в тюрьме.

Найдя iPhone, Оля увидела, что звонил Максим. Затем она вернулась с телефоном обратно на кухню, где по-прежнему сидела бледная Марина.

– Ты позвонишь в полицию? – Марина умоляюще посмотрела на подругу. – Ну хорошо, я сама. Только экран разблокируй.

Пока хозяйка телефона набирала цифры, у Ольги мелькнула мысль, убежать отсюда, уехать из города, забыть всех и все, что было с ней раньше, но она знала, что видения будут преследовать ее везде и есть только один способ от них избавиться. Полная страха перед неизвестностью, но твердо уверенная в том, что поступает правильно, Оля взяла у Марины телефон и набрала 102.

Глава X. Виктор

– П-а-а-п...

Не услышав ответа, Паша снова позвал отца, но на этот раз уже громко:

– Пап!

– Сейчас, сынок. Пашка, пять секунд подожди, – донеслось из кухни.

– Папа! Тут какой-то мужик спит у меня на диване.

Услышав это, Виктор перестал вытирать руки полотенцем, бросил его на подоконник и быстро пошел в комнату сына. Пашка стоял в дверях и не решался войти, так что Виктор шагнул за порог первым. Он увидел мужчину, точнее, его голову. Незнакомец сидел на Пашкином диване, полностью накрытый покрывалом, не было видно ни рук, ни ног, ни даже шеи, а голова была откинута на спинку. Виктор и не понял сразу, спит мужчина или он без сознания. Этим же вопросом, как оказалось, задавался и сын.

– Пап, это кто? – испуганно спросил Пашка. Помолчав немного, продолжил: – Он спит?

– Я не знаю, сынок, – тихо ответил Виктор. – Ты только не нервничай, ладно?

– А чего он у меня в комнате делает?

– Пашка, я понятия не имею, чего он у тебя в комнате делает... Может, твои новые приятели решили тебя разыграть?

– Да ну, фигня какая-то. Они даже не знают, в какой квартире я живу. Да и что это за розыгрыш такой дебильный – подбросить мне в квартиру спящего бомжа.

– Ну да, тоже верно, – растерянно произнес Виктор. Он подошел вплотную к незнакомцу и стал вглядываться тому в лицо.

– Пап?

– А?

– А он живой?

Виктор не ответил, потому что не знал правды, а лгать сыну даже в такой ситуации он не мог, просто не имел права.

– Пап! Он живой? Он живой? Он живой, я спрашиваю?! – это был первый звонок: у Пашки начиналась истерика.

– Тихо, тихо, тихо, – Виктор подлетел к сыну, который все еще не решался войти в собственную комнату, взял его за руку и легонько потянул на себя.

– Пап, я боюсь, вдруг он мертвый, – Пашка упирался и не хотел заходить. Он, не отрываясь, смотрел на незнакомца, а на лбу выступил пот. Это был второй тревожный знак.

– Тихо, тихо, – повторил Виктор, когда сын задышал чаще привычного. – Пойдем на кухню, там уже чайник, наверное, закипел, – с улыбкой, как ни в чем не бывало, сказал отец.

Взяв Пашку за плечи, он развернул его и повел подальше от комнаты. Осторожно усадив испуганного сына за стол, Виктор налил ему чай, бросил туда несколько кубиков льда, затем достал из шкафа батон и банку шоколадной пасты:

– Не холодная, как ты любишь, – с нежностью сказал Виктор, затем добавил осторожно: – Ешь, сынок, я сейчас вернусь.

Увидев, как отец направляется к выходу из кухни, Пашка занервничал:

– Ты куда?

– В твою комнату, – спокойно сказал Виктор.

– А что там? – непонимающе и слишком громко спросил сын, а отец внутренне вздрогнул, потому что начал готовиться к худшему развитию событий.

– Окно закрою, а то сквозняк, – хрипло произнес он и махнул рукой на открытое кухонное окно.

– А-а, – протянул Пашка беспечно и принялся намазывать пасту на батон.

– Ты ешь, – бросил тихо Виктор и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, он остановился у дверей в детскую, сел на корточки, засунул кулак в рот и что есть мочи начал кусать свою руку. В беззвучном крике, проклиная все на свете, он просидел недолго, не больше пары минут. Затем встал, вытер слезы и вошел в комнату, где все еще то ли спал, то ли был без сознания неизвестный мужчина.

Окончательно взяв себя в руки, Виктор рывком стянул с него одеяло, в надежде, что тот проснется. К несчастью, он увидел то, чего боялся больше всего: незнакомец был мертв, скорее всего, убит. Даже несведущему в таких делах Виктору было понятно, что довольно редко люди сами себе перерезают горло: кровавый след с уже запекшейся кровью находился почти посредине шеи. Бросив плед на пол, отец подошел к двери и беззвучно закрыл ее, подперев стулом: нельзя, чтобы Пашка увидел это. Затем Виктор сел на пол напротив неизвестного мужчины и стал его разглядывать.

Незнакомец был высоким, это было понятно, даже несмотря на то, что он сидел. В глаза в первую очередь, помимо кровавого шрама на шее, бросались его волосы: темно-каштановые, слегка волнистые. Виктор всегда думал, что такие шевелюры бывают только у артистов. Проведя влажной ладонью по собственной лысой макушке, он глубоко вздохнул и на несколько секунд закрыл глаза. Очень не хотелось, но нужно было думать, что делать с этим мертвым мужчиной. Открыв глаза, Виктор стал разглядывать дальше, обследуя взглядом сначала ноги в самых обычных синих джинсах, потом голый торс, затем по очереди руки. Не найдя ничего, что говорило бы о том, кто этот человек, отец с досадой выдохнул и встал. Подойдя ближе к телу, Виктор стал вглядываться в его лицо – ничего, этого мужчину он точно не знал.

Если это и был чей-то дурацкий розыгрыш, то точно не новых Пашкиных «друзей» – эти олухи вряд ли могли кого-то убить и подбросить труп в их квартиру. Что же это за бред такой?

Или все же... «друзья»? Да нет! Виктор хоть и не знал, что это за гопники такие, то есть готы... Готы? Да, вроде так их Пашка называл, в общем, не знал Виктор, кто они и чем живут, да и сын был с ними всего несколько недель знаком. Но поверить в то, что подростки могут смея ради убить человека, он не мог.

Виктор встал и подошел к окну, оно было закрыто. Отворив одну створку, он впустил немного свежего воздуха в комнату: подул ветер. Сквозняк дернул окно на кухне, было слышно даже в детской, как оно захлопнулось. Выглянув, он увидел, что на улицу вылетело полотенце, подхваченное ветром, оно какое-то время кружило в воздухе, а затем медленно упало на асфальт рядом с подъездом. Виктор скрылся из оконного проема, не было у него сейчас времени спускаться за полотенцем, пусть не знают лучше, чье оно. Хотя снизу разглядеть человека в окне десятого этажа было трудно, но все же...

Надо было разбираться с трупом. Вот же не вовремя. Только все налаживаться начало, вроде уже и все вещи они с Пашкой в новую квартиру перевезли, сын каких-никаких знакомых завел, а тут такой сюрприз. Кто ж убил-то этого бедолагу?

Хотя и неважно было, кто именно его прикончил и что это вообще за человек. А вот то, что это может навредить Пашке, было очень важно. Ведь...

Неожиданно громко хлопнула дверь на кухне, затем еще раз и еще. Шаги, тяжелые и угрожающе-быстрые, раздались в коридоре. Дверь в детскую дернулась, но стул не дал ей открыться. Затем еще один рывок. Виктор успел вовремя схватиться за стул и крепче прижать его к двери. Та начала ходить ходуном, затем резко все прекратилось.

– Виктор! Виктор! – яростный голос начал звать его с той стороны двери.

«Комо все-таки пришел», – подумал Виктор. Только бы с Пашкой все было хорошо.

– Виктор-р! – почти звериный рык доносился теперь из коридора, но отвечать было нельзя. Дверь начала рваться внутрь с новой силой, Комо давил на нее всем телом, но Виктор удерживал с другой стороны. Минут через пять такого противостояния все стихло. Какое-то время не доносилось ни звука, затем стало слышно, как медленно открывается входная дверь:

– Я пойду на улицу, ты понял меня! – крикнул мужской голос из другого конца коридора.

Виктор быстро отодвинул стул и открыл дверь. Встав в дверном проеме, он посмотрел на Комо – тот был, как всегда, свиреп, глаза налились кровью, рот скривился в злой усмешке. Виктор съезжился и приготовился принять удар. Так и произошло: в следующую секунду Комо разбежался и набросился на него, они вместе упали на пол в детской, Комо бил Виктора кулаками со всей силы по голове и телу. Виктор не отвечал, а просто ждал, когда это закончится. Увидев труп, противник отскочил от Виктора, как зверь, испугавшийся огня.

– Это ты сделал! – как всегда, это был не вопрос, а грозное утверждение. – Это ты сделал! Ты сделал! Ты! – кричал Комо, снова лупя Виктора кулаками. Тот пытался закрываться, но, получив мощный удар в челюсть, взвыл от боли. Схватив Комо за руки, он скрутил его и молча ждал, пока тот наорется.

– Это ты сделал! Ты! Ты! Ты! Ты! Ты! – Комо вырывался, как мог, ярость придавала ему сил, так что Виктору пришлось нелегко. В какой-то момент Комо попытался укунить его за руку и ему это удалось: Виктор отпустил парня и стал унимать кровь, сочившуюся из ладони, зубы Комо оставили приличные раны. Воспользовавшись заминкой, бешеный парень вновь кинулся на Виктора, но тот успел отскочить и бросился в коридор: его последней надеждой было зеркало. Добежав почти до входной двери, Виктор остановился и застыл в ожидании. Комо выскочил из детской и с яростным криком бросился на мужчину. Виктор был готов к этому и когда тот подбежал вплотную, схватил его и стал поворачивать лицом к зеркалу, но парень вырывался сильнее прежнего.

– Смотри! – громко, но спокойно сказал Виктор. Он зажал руки Комо одной своей рукой так, чтобы тот не дрался, а другой снова стал поворачивать его лицо к зеркалу. – Смотри! – повторил он тихо, но настойчиво.

– Нет, ты врешь, нет! – орал Комо.

– Смотри на себя, смотри! – говорил Виктор, он знал, что, если зеркало не подействует, придется делать укол или вызывать врача, и то и другое было ужасно тяжело пережить.

– Смотри, смотри, смотри на себя... Пашка, посмотри на себя, Пашенька, пожалуйста, успокойся, – шептал он сыну, все так же крепко держа его и стараясь заставить посмотреть в зеркало.

– Нет, нет! Ты врешь! Ты врешь! Ты все время врешь! – Виктор почувствовал, что Комо потихоньку отступает, так как Пашка стал меньше сопротивляться. Помотав еще пару минут головой, сын, наконец, осознанно посмотрел на себя в зеркало. Очередная буря ушла так же внезапно, как пришла, но наследила немало.

– Папа? – спросил он удивленно. – Ты чего?

Виктор отпустил Пашку, потом слегка толкнул его в бок, словно играя.

– А-а, сдаешься... – менять настроение по щелчку он давно научился. – Решил меня побороть, а сам сдаешься уже, – Виктор стал, шутя, тыкать сына кулаками, имитируя бой.

– Да ну тебя, вечно твои игры дурацкие, у меня все руки опять болят, – Паша нахмурился и посмотрел на потрепанную физиономию отца. – А чего у тебя с лицом? Пап?

Виктор глянул в зеркало, а затем быстро пошел в ванную:

– Да окно на кухне от сквозняка резко открылось и мне прямо в лицо, представляешь. Не успел отскочить, – быстро сочинял Виктор, пока мочил полотенце холодной водой. Приложив его к подбородку, он стал выжидательно смотреть на сына. Он, как мог, старался теперь никогда не лгать. Но сочинять во имя здоровья Пашки и ради того, чтобы не приходил Комо, приходилось часто, так что постепенно это вошло в привычку.

– Я есть хочу.

– Да, конечно, сына. Пойдем скорее, полдня ничего не ели, – отец обнял Павла за плечи и повел на кухню.

Там он сам намазал сыну пару кусков батона шоколадной пастой, налил чай, поставил на стол конфеты – он любил ухаживать за Пашкой, несмотря на то, что парню было уже 19. Половину этого времени Виктор упустил, вторую половину – расплачивался, регулярно борясь с Коמו, но Пашку он от этого меньше любить не стал.

– Пап, опять было, да? – сын отвернулся от окна, в которое смотрел, пока отец накрывал на стол, и теперь устремил грустный взгляд на Виктора.

Тот сел рядом, взял сына за плечо и тихо ответил:

– Опять, сынок.

Пашка устался в пол.

– Ты не переживай, сын. Все быстро закончилось. Да и не было ничего...

– Не ври, ладно, только не ври... Вдруг, опять начнется, – Паша взял было бутерброд, но потом положил его на тарелку.

– У тебя фингал на подбородке, так что и так все понятно. Прости, пап, – Пашка снова устался в окно. – Я опять ничего не помню.

– Паша, это не ты был, ты же знаешь. Ты ни в чем не виноват... Давай просто забудем обо всем, хорошо, сынок?

– А с чего все началось?

Тут Виктор и сам вспомнил, с чего все началось, вспомнил и понял, что все опять может повториться, а это очень опасно. Дважды за один день Комо приходил последний раз несколько лет назад, и тогда Виктор чуть не потерял сына. Он не мог допустить этого снова.

– Слушай, а где мой телефон? Блин, не помню, куда положил. Ты ешь, а я пойду Гале позвоню. Она давно тебя в гости звала.

Отец вышел из кухни, не подавая виду, что сейчас упадет от волнения. Быстро нашел телефон и позвонил Гале, уговорил ее сходить погулять с Пашей в парк, зайти в кафе, в общем, занять его до самого вечера. Галя не могла сказать Виктору «нет», тот прекрасно это знал и пользовался ее безотказностью, но не часто. В основном к подруге он обращался тогда, когда являлся Коמו. Галя работала медсестрой и действительно могла помочь правильным уходом. И в этот раз она тоже пришла, была на пороге уже через полчаса после звонка Виктора. Не особо расспрашивая о причинах, не обижаясь на то, что Витя даже на чай не пригласил, она уговорила-таки Пашку пойти погулять. Девятнадцатилетний парень прекрасно знал, почему и зачем на прогулках с ним должна быть Галя. После инцидентов с Комо его всегда пытались отвлечь. Отец же старался всегда после этих вторжений не попадаться сыну на глаза: видимо, чувствовал вину. А чего же ее было не чувствовать, ведь из-за его выходок еще тогда, десять лет назад, началась эта болезнь.

Проводив Пашу и Галю, Виктор тут же пошел в детскую. Конечно, хотелось верить, что за эти минут 30–40, что они ждали на кухне подругу и пока он собирал сына, труп куда-то исчез. Но нет: мужчина по-прежнему сидел на диване без признаков жизни и в той же самой позе. Виктор было подумал, а не обшарить ли карманы незнакомца, чтобы понять, кому звонить, но потом до него дошло, что набирать сейчас нужно только «102». Не хватало еще, чтобы его отпечатки нашли на трупе. А пока их нет, можно спокойно предоставить полиции разобраться во всем самим.

Он позвонил в дежурную часть, назвал все данные, что попросили, объяснил, что мертвеца он знать не знает, обещали выслать наряд. Полицейские приехали примерно через час. Все это время Виктор просто просидел в детской напротив трупа: мучил себя раздумьями о том, каким именно образом в его квартире оказался мертвый мужчина, к тому же совершенно ему незнакомый. Ни второй, ни третий, ни пятый осмотр, какими бы внимательными они ни были, не дали подсказок.

Возможно, это родственник кого-то из его бывших любовниц. «Баб» для Виктора не существовало. Женщины всегда были для него чем-то большим, чем просто увлечением на

ночь, неделю, месяц, один раз на год (это была мать Паши). Но, даже расставшись, с каждой из них он пытался сохранить дружеские отношения. И практически всегда удавалось, хотя ухаживал он за многими, очень многими. Совсем не красавец, Виктор тем не менее обладал каким-то магнетизмом: брал прекрасный пол в основном тем, что именно ухаживал. Оказывать знаки внимания тоже нужно уметь. Правильно это делать Витю научил отец, за похождения которого тому можно было бы дать орден почетного кавалера... просто кавалера Перми или любого другого города. Не до смеха, конечно, в такой ситуации, но воспоминания об отце всегда вызывали у Виктора улыбку. Как при таком плотном графике секс-гастролей тот умудрился выделять время на единственного сына, он до сих пор не понимал. Между тем отец прожил до 82 и успел передать отпрыску сакральные знания правильного подката к женщинам. Виктор применял их с успехом и не планировал заканчивать свой тур, даже когда узнал о беременности Маши. С рождением Павла он появлялся в доме сына так часто, как только мог, но оттачивать мастерство ухажера не перестал. Сын рос и с каждым годом задавал все больше вопросов о том, где пропадает отец, а Виктор придумывал все больше максимально неправдоподобных ответов. При этом приезжать чаще он не стал.

Конечно, отец никогда бы и не подумал, что расплачиваться за его вранье придется сыну. Но именно так и произошло.

Почему-то другого времени вспомнить в очередной раз о своем провале не нашлось. Память захотела подкинуть Виктору свинью именно в тот момент, когда он сидел напротив мертвого мужчины, ждал полицию и все время боялся, что Паша вернется с прогулки раньше времени. Хотя, после того как сын заболел, а особенно после того, как умерла Маша, бояться почти все время стало для отца нормой.

Комо пришел первый раз, когда Пашке было девять. Отец из Виктора в то время был непутевый: приезжал редко, проводил с сыном считанные часы, покупал подарки и все, что просила приобрести Маша. На все вопросы сына о работе, занятости, частых отсутствиях отвечал, что он дальнбойщик, мотается все время в рейсы, сильно устает и делает это исключительно для него. Но все это было ложью, наглой и лишь слегка прикрытой.

На самом деле Виктор работал в том же городе, где жил сын, только на другом его конце. Занимался строительством – был бригадиром в одной крупной фирме, которая специализировалась на возведении многоэтажных жилых домов. Он мог спокойно проводить все вечера и выходные с сыном, но предпочитал делать это с женщинами. Тогда они были для него важнее всего. Конечно, это всегда были разные женщины. Хороший водитель старается обкатать как можно больше новых авто, хороший игрок в покер любит блефовать каждый раз в новой компании и так далее. Азарт. Он распространяется на самые разные сферы жизни. В общем, Виктор только-только вошел в раж с новой дамой, как на очередной встрече Пашка попросил отца приходить почаще, и не только домой, а и в школу. Сын записался в волейбольную секцию. К концу первой четверти как раз стало получаться, предстояла первая серьезная игра с прославленной командой из другой школы. В такие моменты и на тренировках, и особенно на матче мальчику очень нужен был отец рядом – и Паша, и Мария твердили об этом в унисон. Виктор пообещал прийти, но не на тренировки, а на саму игру. За несколько дней до матча позвонил, попросил Пашку простить его и сказал, что не сможет быть – уезжает в рейс.

События последующих нескольких дней стереть из памяти Виктор не смог, как ни пытался. Он прекрасно помнит тот звонок, когда он нагло врал сыну, звонил из кафе, где его ждала очередная... просто очередная, а даже не самая главная. И следующую встречу она назначила как раз на день, когда у Пашки был матч.

Его команда победила. Мама решила отвести сына по такому случаю в одно из лучших кафе в районе. И вот там, только войдя, Пашка увидел отца: он зажимался и целовался с какой-то женщиной, а не «бороздил трассы, перевоза жизненно необходимые продукты для жителей соседних областей, краев, а может быть, и стран», – Виктор и сам уже не помнил, чего он

там нагородил. Мальчик понял: отец ему нагло и жестоко врал, он просто не хотел прийти и поболеть за него, и он вообще не нужен ему. Все, что он тогда сделал, это расплакался, крикнул отцу: «Ты мне все наврал!» – бросил в него победный мяч и убежал. Виктор переживал, к своей чести, о которой он и сам-то не догадывался, у него щемило сердце: послал куда подальше свою очередную, приехал к Маше с Пашей и битый час уговаривал сына впустить его в комнату. Тот не отвечал, только всхлипывания были слышны из его комнаты. Наконец, Маше, а это была самая терпеливая женщина в жизни Виктора, все это надоело, и она попросила его уйти и даже не звонить какое-то время. Он уехал.

Но под утро она позвонила сама.

– Приезжай скорее, мне страшно, – прошептала она плачущим голосом. – Он хочет меня убить.

– Кто? – не понял спросонья Виктор.

– Паша...

Он примчался, как только смог. Когда Маша открыла дверь, Виктор испугался: глаз заплыл, под носом запеклась кровь, губы разбиты.

– Кто... Господи, кто это сделал?

Она разревелась себе в ладони, стараясь как можно меньше шуметь. Он обнял ее и проводил на кухню. Там, немного успокоившись, она рассказала, постоянно вздрагивая и шмыгая носом, что Пашка ворвался в ее комнату часа полтора назад. Он был весь красный, даже глаза, орал, что это она во всем виновата. Когда она попросила его: «Пашенька, сынок, успокойся», – он разозлился и со словами «Я Комо» начал бить ее со всей дури руками и ногами. Маша сначала не поняла, что это всерьез и нужно сопротивляться, но когда он попал ей в глаз с силой, не свойственной для девятилетнего, мать стала неумело защищаться. Она все-таки пропустила несколько ударов, боясь, что нанесет ему вред, если будет отбиваться. Когда он снова врезал ей по носу, поняла, что нужно просто спрятаться. Каким-то чудом добралась до кухни, смогла запереться и позвонить Виктору. Пока ждала его, Пашка... или Комо угомонился. Сейчас он спал в своей комнате.

Виктор не понял ничего, вернее, ничему этому не поверил. Было ясно, что Маша не сама нанесла себе эти побои, но и представить, как девятилетний сын колотит родную мать, да еще и с такой силой, было трудно. Он успокоил Машу, обработал раны, напоил ее валерьянкой и уложил спать. Сам же остался до утра, чтобы поговорить с Пашей, в существование Комо он так и не поверил.

Утром он беседовал с Пашей – это был тот же самый мягкий, но конкретно сегодня очень расстроенный ребенок, каким он его знал. Только взгляд стал не по-детски серьезным, на Виктора как будто смотрел престарелый судья.

– Сынок, ты помнишь, что произошло? – начал аккуратно отец, когда оба пили чай на кухне. Маша еще спала в своей комнате.

– Конечно, помню. Ты не пришел ко мне на матч. Наврал, что не можешь прийти, а сам просто развлекался, – Пашка насутился, говорил тоном обиженного ребенка, каким он, по сути, и был, так что это успокаивало, появилась надежда, что вчерашний ужас Маше просто померещился.

– Прости, – тихо произнес Виктор, он действительно раскаивался в том, что произошло. – Прости, сынок, я не думал, что все так получится. Я... я так виноват...

Паша только обиженно вздыхал и ничего не говорил больше, продолжая есть бутерброды с шоколадной пастой. Виктор решил все-таки выяснить, что же вчера произошло.

– Паш, а ты помнишь, что случилось потом, вечером? – начал аккуратно отец.

– Я расстроился, плакал долго... а потом уснул, – резко ответил сын и еще больше насутился, спрятал голову в плечи и продолжил пить чай, но делал это с какой-то непонятной яростью.

– Сынок, а ты... эм... ты вчера маму никак не обидел случайно? – сделал еще одну попытку Виктор.

– Пап, ты чего?! – разозлился сын. – Это же моя мама! С чего мне ее обижать?! – лицо вдруг стало совсем злым, он отставил кружку с чаем и сжал кулаки. Тут только отец заметил, что на костяшках пальцев у сына свежие синяки и ссадины. Он подумал, что Маша могла быть права и вчера действительно произошло что-то страшное. Виктор только собрался успокоить Павла, как в комнату вошла Маша. На разбитом лице она пыталась изобразить улыбку, но было очень хорошо видно, что накануне ее били.

– Мама, – жалостливо начал Пашка. – Что случилось? Что с тобой?!

Он подскочил к Маше и начал ее обнимать, та тоже обняла его и поцеловала в макушку. Они простояли так какое-то время, а потом Маша усадила сына за стол, села рядом и спросила с опаской:

– Сыночек, ты помнишь, что вчера произошло?

– Я помню только, как мы пришли домой, я долго плакал в своей комнате, а потом заснул.

– И все?

– Ну да, проснулся я только утром... А что случилось-то, пока я спал? – Пашка смотрел на родителей полными испуга глазами. Он не притворялся, он правда не знал. Маша поглядела на Виктора, потом на сына, внутренне собралась и спросила все так же тихо и боязливо:

– Сынок, ты не знаешь, кто такой Кома?

– Нет, – спокойно ответил Паша. – Что это вообще за имя такое? Это он сделал с тобой?

– Паша... Сынок, это ты сделал, – Маше было очень сложно говорить, она как будто сама не верила в то, что произносила.

– Мама, ты что? Я же... Я ничего такого не делал! Зачем ты такое говоришь про меня?! – расстроился сын. Пашка чуть не заплакал, но все же удержался и лишь пролепетал по-детски: – Мама, я же тебя люблю. Я бы никогда такого не сделал.

Виктор не знал, чему верить и как реагировать, ведь перед ним сейчас был его родной сын, как всегда кроткий и ласковый, любящий мать, терпящий пока еще его – такого непутевого отца. Тот же Пашка, который слова грубого не скажет родным, а чтобы поднять руку на мать – и помыслить такого было нельзя. Отцу захотелось зажмуриться, тряхнуть хорошенько головой, открыть глаза и увидеть Машу целой и невредимой, и чтобы не было никаких сомнений в адекватности ее или сына. Но Машины синяки свидетельствовали о том, что не все вопросы еще решены.

– Сынок, я тебя люблю, – начал Виктор. – И чтобы ты ни натворил, я всегда буду на твоей стороне. Но... ты действительно ничего не помнишь о том, что вчера произошло, или просто не хочешь об этом говорить? Ты только скажи правду, – попросил он ласково.

Внезапно Пашка ударил по столешнице кулаком с такой силой, что показалось, стол сейчас треснет или сломается. Потом сын медленно повернул голову и пристально посмотрел на отца: глаза Паши за считанные секунды налились кровью, поза, мимика – все, даже его дыхание, казалось, выражали одну только ярость. Виктор испугался и даже не сразу понял за кого – за Пашку или за Машу.

Внезапный звонок в дверь вывел Виктора из воспоминаний о первом знакомстве с Кома. Глянув на таинственного мертвого незнакомца, все так же сидящего на диване, отец пошел в коридор, вытирая вновь наворачнувшиеся на глаза слезы.

Сотрудников было двое. Они поздоровались, показали документы и вошли. Виктор сразу проводил их в детскую, он даже не запомнил их должности и из каких они вообще ведомств, мысли были заняты совсем другими вещами. Один из стражей порядка задавал вопросы, а второй неспешно записывал ответы Виктора. Пришлось рассказать во всех подробностях о событиях последних нескольких часов, за исключением прихода Кома, о том, что они делали с сыном вчера вечером и сегодня утром.

– А во сколько вы вчера вернулись? – переспросил один из сотрудников, когда Виктор сказал, что они с Пашей отсутствовали в городе две недели, отдыхали в деревне.

– В половине седьмого, – просто ответил отец.

– И в этой комнате не было никаких следов взлома, и тела тут тоже не было?

– Нет. Все было в точности так, как когда мы уехали. Сын проспал тут всю ночь. Сегодня в обед мы поехали за покупками, погода была хорошая, поэтому после подольше погуляли...

– А сколько вашему сыну лет?

– Девятнадцать.

– И вы с ним почти четыре часа гуляли? Где именно?

– В парке, в центре. Нет, мы сначала по магазинам ходили больше часа, ему джинсы и куртка нужны были, – сказал, не раздумывая, Виктор.

– Надо же, такой взрослый пацан, а вещи с папой покупает. Удивительно, – усмехнулся второй сотрудник, который до этого лишь молча записывал показания.

– Он любит со мной советоваться только и всего, – обиженно произнес Виктор, покраснев при этом. Отец хоть и научился скрывать за простыми логичными объяснениями истинную причину некоторых странностей сына, но врать полицейским ему еще не приходилось.

– Хорошо, Виктор Сергеевич, пока все понятно. Вернее, ничего непонятно, но к вам вопросов нет. Хотя... Вы точно уверены, что не знаете этого человека? Не встречали его в общественных местах, в транспорте, может, случайно сталкивались на улице, в магазине, еще где-нибудь? – первый сотрудник внимательно всматривался в лицо Виктора.

– Я вижу его в первый раз в жизни, это совершенно точно, – уверенно ответил Виктор.

– А ваш сын? Может, он видел его?

– Нет! Нет, конечно, он его не видел, – отец слишком эмоционально отреагировал на последний вопрос, так бурно, что сам испугался своей реакции.

– А сейчас ваш сын где? Может, мы сами его спросим?

– После смерти матери он очень боится мертвых, до истерики просто, поэтому я попросил... поэтому он ушел к друзьям. Я не стал возражать, ведь мы ни в чем не виноваты, и я уверен, что Паша не знает этого бедолагу, – Виктор говорил с такой доверительной интонацией, что очень сложно было усомниться в его правоте.

Полицейские переглянулись и прошли на лестничную клетку, где толпились мужчина с кучей непонятных Виктору приспособлений и двое парней, похожих на грузчиков, видимо, они вынесут труп. Все трое прошли в комнату с телом после утвердительного кивка одного из полицейских.

– А что будет дальше? – спросил хозяин квартиры.

– Нужно сфотографировать все детали в комнате и снять отпечатки пальцев, надеемся, это поможет найти убийцу.

– Мои отпечатки тоже нужны? – спросил Виктор с тревогой, сам не понимая, чего именно боится.

– Да, ваши и вашего сына, у нас должны быть «пальчики» жильцов квартиры, чтобы отличить их от посторонних.

– Да, конечно. Я понимаю. Только можно я сына как-нибудь попозже приведу. Он сейчас будет не готов, не... не сможет, наверное, – пробубнил невнятно Виктор. Вот именно этого он боялся – вести Пашку в участок, где он будет рассказывать о трупе, это все равно что пригласить Комо на чашку чая! Это самоубийство!

– Мы вас вызовем обоих, наверняка придется уточнять детали. А сыну вашему в любом случае нужно дать показания, это стандартная процедура, – ответили Виктору.

Сотрудники спустились вниз, а в квартиру вошли судмедэксперты, мозг Виктора придумал им такое название. В общем, какие-то люди еще некоторое время изучали детскую, фотографировали там все, затем и они ушли, а труп вынесли на носилках. Все это и то, как какой-

то человек опечатал комнату и долго объяснял Виктору, что туда лучше не входить, он слушал, но не понимал. Вернее, не мог понять, как все рассказать Пашке, постараться не пускать его в свою комнату и при этом не напороться на Комо.

Когда наконец остался один, первым делом Виктор хотел снова заорать или расплакаться. Просить Гаю оставить Пашку на ночь было бы слишком нагло. Хотя он прекрасно понимал, что она не откажет. Она была рада каждому шансу провести время с Пашей, для нее он был «идеальным примером», «прекрасным образцом» и что-то там еще. Галя изучала множественное расстройство личности еще в институте, ее интересовала эта болезнь так сильно, что она устроилась на подработку в психиатрическую клинику. Но за те полгода, что молодая медсестра там провела, ни одного нужного пациента не попало. В общем, несколько лет назад, когда в приемном покое детской больницы израненного и орущего Пашу пытались привести в чувство, именно Галя расспрашивала отца, пытаясь выяснить, что произошло. Виктор тогда ничего ей не рассказал, а попросил только дать сыну успокоительное и зашить раны. Галя так и сделала, в графе «диагноз» ничего, кроме порезов и сильного стресса, не значилось. Однако парня оставили на ночь и попросили отца забрать его на следующий день. Виктор сказал, что никуда не уйдет и будет ждать до тех пор, пока Пашу не отпустят домой. Галя воспользовалась тем, что ему придется ждать как минимум до утра и разговорилась с ним. Найти подход к расстроенному отцу-одиночке оказалось очень просто, нужно было только проявить сочувствие, предложить отдохнуть в сестринской, угостить чаем и, самое главное, объяснить, что она, Галя, узнала эти симптомы. Виктор после последних слов сердобольной медсестры чуть чаем не поперхнулся и начал все отрицать.

– Я не собираюсь никому ничего рассказывать, Виктор, успокойтесь, пожалуйста, – максимально спокойно сказала Галина. Она положила свою руку на руку несчастного отца в знак поддержки. – Я знаю, что вам очень тяжело, правда, знаю. Я изучила все особенности расстройства личности, прочитала огромное количество литературы на эту тему. Всегда была уверена, что определю болезнь сразу. И вот она передо мной. Вы бы только знали, как давно я мечтала увидеть человека с такими симптомами!

Галина умоляюще посмотрела на Виктора, который все еще удивленно моргал после ее слов.

– Я все что угодно сделаю, лишь бы иметь возможность общаться с вашим сыном, – выпалила медсестра.

Виктор выдохнул во всю мощь своих легких и устало откинулся на спинку дивана в той самой сестринской, где он нашел единственного человека, с которым смог поделиться своими проблемами. Он поверил Гале сразу, в тот же вечер ответил на все ее вопросы. А когда утром Пашу без скрипа выписали, он убедился, что Галине действительно можно доверять.

Все это произошло примерно через год после смерти Маши, лет восемь назад. С тех пор именно Галя всегда приходила на помощь и выручала Виктора и Пашу. Она даже пару раз сталкивалась с Комо, правда, к счастью, обошлось без кровопролития. Понятно дело, для самой повернутой на РЛ (расстройстве личности) женщины эти стычки были сущим подарком. Уж чего она так вцепилась когда-то именно в эту болезнь и почему она вызывала у обычной медсестры такую эйфорию, Виктор не знал и даже не пытался расспрашивать Гаю. Других кандидатов в сиделки сыну все равно не было, потерять еще и Галину было бы критично. Кстати, однажды он ее действительно чуть не потерял, когда та попыталась соблазнить его. Но за несколько месяцев до этого бывший ловелас завязал с женщинами навсегда. Здоровье сына, особенно психическое, было важнее.

В сухом остатке об особенностях Паши знали только Виктор, Галя и сам Паша. Остальные, возможно, догадывались. Этого было достаточно, чтобы вести тихую, не совсем мирную, но не вызывающую интереса или подозрений у соседей, жизнь. Виктор практически сразу после смерти Маши попросил перевести его из прорабов на удаленную работу. В те времена

это было не так уж и просто, пришлось многому научиться, чтобы стать полезным для своей строительной компании, но в итоге все сложилось и мужчина смог нормально зарабатывать, находясь при этом практически все время при сыне.

Галя же стала неотъемлемой частью их жизни и помогала всегда, когда Виктор к ней обращался, но тот старался не злоупотреблять ее доверием. Вот и сейчас он не посмел попросить ее оставить Пашку у себя на ночь. Вместо этого он попросил ее переночевать у них.

– Что у вас тут вообще произошло? – поинтересовалась удивленная Галя, когда Виктор открыл дверь, очень быстро увел Пашу на кухню и вернулся, чтобы просить ее остаться на ночь.

– Ты никогда меня об этом не просил, – пролепетала смущенно медсестра. Она совсем как школьница опустила глаза и даже покраснела. В былые времена это свело бы Виктора с ума и он не упустил возможность в ту же ночь затащить Галю в постель. Сейчас же его волновало только то, что нужно быть начеку, особенно этой ночью, а без помощи он может не справиться.

– Комо может прийти сегодня. Опять, – с горечью прошептал отец.

– Комо приходил?! – с энтузиазмом воскликнула медсестра, даже не заострив внимание на том, что мужчина и не думал ее соблазнять. Эти мысли до сих пор появлялись в ее голове, хотя она давно поняла, что не интересуется Виктора как женщина.

– Тише, – шикнул Виктор. – Без громких звуков. Ты же знаешь, что дважды за один день или ночь – это критично. Пашка может этого не перенести.

– Да, конечно, – понизила тон Галина. – Конечно, я останусь. Только расскажи, что произошло-то?

– Пап! – позвал из кухни сын, и Виктор сразу переключился на внутренне и внешне беззаботного добряка, у которого якобы нет вообще никаких проблем.

– Я тебе все расскажу, когда Пашка заснет, – пообещал он Гале и увел ее на кухню.

После вечернего чая и разговоров о том, как они с отцом отдохнули в деревне, Пашка быстро устал и уже в десятом часу захотел спать.

– Сынок, в твою комнату нельзя, – осторожно произнес отец.

– А что с ней? – Пашка нахмурился, пытаясь вспомнить события сегодняшнего вечера. Виктор хотел было что-то соврать, но вовремя вспомнил, что так будет еще хуже.

– Там сегодня нашли мужчину. Помнишь, он сидел на твоём диване? – все также вкрадчиво спросил отец.

– Да, помню. Правда, потом провал опять, помню только, как с Галей пошли гулять.

– Ну вот, пока вы ходили, приехала скорая и увезла его. Вроде живой, – во время этого вранья Виктор в упор посмотрел на Галю. Та молчала и только глядела поочередно то на отца, то на сына.

– Правда, живой? – переспросил подозрительно Пашка. Он уставился на Виктора с незнакомым выражением лица: злость, недоверие, презрение – вот, что в нем читалось. Так сам Пашка никогда не смотрел на отца, а Комо был сгустком сплошной злости, на презрение в нем места не хватило бы. Виктор снова мысленно содрогнулся, готовый к тому, что Комо появится прямо сейчас.

– Да, конечно, живой, – произнес уверенно отец, глядя сыну прямо в глаза. – Я знать не знаю, чего он у нас делал. В этом полиция будет разбираться...

Виктор осекся, вспомнив, что Пашку тоже вызовут в участок и там, скорее всего, скажут, что в их квартире нашли труп. Черт! Ох, ладно. Пусть Комо придет потом, лишь бы не прямо сейчас и не сегодня ночью.

– Да, полиция же была после скорой. Расспросили меня обо всем. Я только сам у них хотел спросить, откуда взялся этот мужчина. Может, они подбросили, они же мастера что-нибудь подбрасывать, – пытался пошутить отец. Галя улыбнулась, но как-то нервно, а Пашка смотрел все также сурово. – В общем, все забрали, но в комнату пока входить нельзя, ее опечатали. Говорят, что там еще что-то поискать надо. Напали, что ли, на этого человека.

Виктор городил ложь во спасение одну за другой. Глупо было верить, что все обойдется, но сейчас только это и оставалось.

– Ок, понятно, – беспечно произнес Паша. – Я тогда пойду к тебе.

Пашка пошел спать, и, пока за ним не закрылась дверь отцовской спальни, Галя беззвучно пыталась дать понять Виктору, что она в шоке.

– Избитый мужчина у вас в квартире посреди бела дня? – прошептала она, когда шум в соседней комнате стих.

– Он мертвый был. И я вообще не понял, что произошло, – также шепотом ответил Виктор. – Только Пашке пока не говори, что он мертвый был, не хочу лишних переживаний.

– Конечно, ты что, – заверила Галя.

Дальше Виктор рассказал подруге все, что произошло сегодня вечером, ничего не скрывая, и ему даже как-то легче сразу стало.

– А ты что, правда, его ни разу не видел?

– Почему всех это так удивляет? – разозлился мужчина. – Я в таком же шоке, как и ты, – незнакомый труп в моей квартире! И как он попал сюда, я вообще не понимаю.

– Стой! – осенило Галю. – А вдруг его убили прямо здесь? Ты ключи кому-нибудь давал?

– Во-первых, ключи только у меня и Пашки, оба мы со своими ключами были на прогулке, сын дверь своим ключом закрыл, когда мы утром уходили. Во-вторых...

– Подожди! Пашка мне сегодня рассказал, что недавно познакомился с местными готами, вернее, они с ним познакомились. Может, это они? – перебила Галя.

– Во-вторых, детектив Галина, если бы его убили здесь, явно были бы хоть какие-то следы, хоть что-то. Но все так же, как и всегда, кроме этого мертвого мужчины!

– А вдруг они убили его где-то и принесли сюда?

– А ключи где взяли?

– У Пашки сперли и сделали дубликат. Их же не поймешь, этих долбанутых, – медсестру было уже не унять. В своем воображении она явно рисовала страшные картинки, как в их квартиру затаскивают труп, аккуратно кладут его на диван в комнате Пашки, а затем также аккуратно выходят, убрав все следы своего пребывания. И как сын передал им зачем-то ключи, Галя наверняка изобразила в своей голове.

– Это какое-то безумие, ты же понимаешь? – не сдавался Виктор. Он верил в то, что Пашка, так же как и он сам, никакого отношения к этому недоразумению не имеет. – Паша никогда никому бы не отдал ключи, ты же знаешь его не хуже меня!

– Да, – протянула недовольно Галя, расстроенная нестыковками в своей теории. – Тем более Паша почти никуда не ходит один.

Галя подула задумчиво на только что налитый чай и забарабанила по столу пальцами. Виктор же хотел хоть на немного отвлечься от событий сегодняшнего вечера, поэтому взял свою кружку, поставил ее на подоконник открытого окна и сел рядом на табурет. Легкий майский ветер неторопливо остужал горячий напиток, мужчина смотрел на пар, колышущийся над поверхностью кружки, и постепенно отпуская такую непростую ситуацию. Все будет хорошо, по-другому и не может быть. Слишком много проблем и бед свалилось на него за последние годы, еще чего-то плохого он не перенесет, просто не перенесет. Болезнь сына, смерть Маши, полный отказ от отношений с женщинами и вечно угнетающее чувство вины – Виктор считал, что уже давно расплатился за прошлые грехи.

Потерять Пашку он не мог, не хотел даже думать об этом. Если сегодняшняя ночь и завтрашний день пройдут гладко, есть надежда, что события семилетней давности не повторятся. Тогда Кома первый и последний раз пришел два раза за одни сутки. Что именно спровоцировало его появление, Виктор уже точно не помнил. За эти годы он понял только, что любое его вранье может спровоцировать появление второй, нежелательной личности. Отец убедился в ее существовании на следующий же день после первого избиения Маши, досталось в тот день и

Виктору. Когда буря утихла, он порыскал в интернете, почитал о симптомах болезни и причинах, которые ее вызывают. Затем разыскал знакомого врача, чтобы расспросить его, действительно ли такое бывает. Тот объяснил подробно, что такое диссоциативное расстройство личности, отметив, что в мире всего пара сотен таких случаев, а в России болезнь практически не изучена и ни одного диагноза не поставлено. В общем, медик только поспособствовал решимости Виктора и Маши хранить все в тайне и не обращаться к психиатрам.

Комо пришел второй раз только через полгода. Отец тогда по-прежнему жил отдельно от Паши, но появлялся несколько раз в неделю, проводил с сыном много времени, пытался сделать все, чтобы тот был счастлив. Но когда однажды он не забрал его на выходные, хотя до этого обещал, Комо появился снова. Виктор в те выходные должен был работать, его вызвали на объект в другой город. Он сказал об этом Паше заранее, попросил его простить. Когда Маша позвонила ночью в субботу со знакомым ужасом в голосе, Виктор все понял. Он примчался, как только смог. Его встретила зареванная и напуганная, но целая Маша. Сына она успела запереть в ванной до того, как он смог бы нанести ей серьезные увечья. Когда отец открыл дверь, то увидел спящего на полу Пашку, он казался мирным и спокойным, лежал, свернувшись клубочком на полотенцах. В самой же ванной все было разбито вдребезги: зеркало, полка, пенал – осколки и обломки всего этого наполнили комнату.

Виктор аккуратно взял сына на руки и отнес в его спальню. Затем помог Маше убраться в ванной, а после расспросил, что произошло. Выяснилось, что началось все поздно вечером в пятницу. Мать сначала услышала, громкий стук, а когда выбежала в коридор, увидела, как сын изо всей силы хлопает дверью ванной, снова и снова, снова и снова, с каждым разом все сильнее.

– Сынок? – позвала она осторожно.

На нее уставились красные от злости глаза, и она все поняла. Каким-то чудом Маша успела подбежать к Комо раньше, чем он к ней, толкнула его в ванную и заперла дверь. Ей пришлось около часа просидеть под дверью, чтобы он не открыл ее, на спине остался небольшой синяк: когда Комо услышал, как она вскрикнула от боли, он стал колотить в одно и то же место на двери, чтобы заставить отойти. Но Маша не сдалась, она так боялась, что все повторится точь-в-точь, как в прошлый раз, что стерпела эти легкие побои. Через какое-то время Комо успокоился, но прошло еще не меньше часа, прежде чем Маша решилась отойти от двери, взять телефон и позвонить Виктору.

В тот день отец понял, что нужно переехать к Маше и Пашке, те, конечно, не возражали. Виктор же надеялся, что со временем все наладится, что, если он будет с сыном все время, тот прекратит так себя вести, Комо исчезнет и никто больше не пострадает. Но Маша все-таки умерла. Она не выдержала и года такой жизни.

– Ты спать-то собираешься, Вить? – на этот раз из воспоминаний его выдернула заскучавшая Галя. Виктор залпом выпил свой давно остывший чай.

– Да, конечно. Тебе в гостиной постелить?

– Ага, – просто ответила подруга. Я кино еще какое-нибудь на телефоне посмотрю.

– Хорошо, – устало произнес Виктор. Он пошел в комнату, разложил диван, достал из шкафа одеяло и подушку. Сам же улегся на кушетке в своей спальне, убедившись сначала, что сын спокойно спит на его кровати.

Усталость навалилась с новой силой, поэтому он заснул практически сразу. А проснулся уже через несколько минут от жуткого детского крика. Отец забежал в соседнюю комнату и увидел, как Пашка стоит у открытого окна и орет во все горло. Виктор подлетел к нему, начал трясти и спрашивать, что случилось. Сын только с новой силой заорал «мама» и показал на окно, по щекам Пашки ручьем текли слезы. Виктор перевесился через окно и увидел на асфальте Машу. Он не помнил, как сбегал с седьмого этажа, схватил уже бездыханное тело, не помнил, как приехала скорая. В память врезались только красные глаза и безумный крик

«мама». Этот день, вернее, эта ночь снилась ему несколько раз, и всегда в подробностях, с жуткими звуками, с теми же самыми страшными ощущениями. Вот и сегодня все повторилось, как тогда. Что именно произошло, он не знал. Позже, когда Виктор пытался в деталях воспроизвести этот момент, он гнал от себя мысль, что у окна стоял именно Кома и что он был как-то причастен к прыжку Маши. Он уверял себя, что красные глаза нарисовало его воображение, а на самом деле сын увидел открытое окно и мертвую маму уже после того, как все случилось. Тем более Маша оставила предсмертную записку: «В моей смерти прошу никого не винить». Почерк был ее, это подтвердили и криминалисты. Однако та ночь не давала Виктору покоя: во сне он переживал эти события снова и снова, каждый раз глаза Кома становились все краснее, а щемящее чувство тревоги – все сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.